

Василию Шукшину 90 лет. Исполнилось бы. А прожил он ровно половину этого срока. Я заканчивал школу в Волгограде, когда его не стало. Увидеть его я не мог, хоть и прошли его последние дни совсем недалеко – на Дону в станице Клетской. Знать его я мог только по его книгам, только через экран. И всегда по самому облику он казался мне человеком из моей родни: так похож он был на нее. Когда отзвучал мой последний школьный звонок, нас, выпускников, повели на премьеру фильма «Они сражались за Родину». Последние кадры фильма, камера проходит по лицам стоявших в строю. На Лопахине камера чуть задержалась. Пыльное, загорелое, обветренное лицо. А для меня это был не Лопахин из романа Шолохова, а Шукшин. В последние часы его жизни. Погибший на моей родной Сталинградской земле. За нее. И за меня. Со мной всегда, куда бы я ни уезжал, одна из книг Шукшина. Никогда не надоедает перечитывать написанного Шукшиным. И смотреть его фильмы. И узнавать его героев. И думать, думать. О них. О Шукшине.

Оказалось, что узнать Шукшина я мог не только через книги и фильмы. Судьба, к счастью, привела меня к знакомству с самыми родными и близкими людьми, настолько близкими и родными, с которыми и я сам сроднился и столько узнал о Шукшине: его сестра Наталья Макаровна, кинорежиссеры Ренита Андреевна и Юрий Валентинович Григорьевы, его друг и земляк, кинооператор Александр Петрович Саранцев, литературовед Алексей Александрович Макаров, актриса Людмила Зайцева, земляки – сrostинцы баба Рая и дядя Гриша Требух, снимавшиеся в его фильмах... Их оказалось много.

Всю эту половину юбилейного срока Шукшин всегда со мной. С его друзьями, книгами, фильмами. Историями из жизни Василия Шукшина, рассказанными его близкими пришло время поделиться. И моими размышлениями, которые вызваны его творчеством.

А поводом для этих моих воспоминаний послужил один из памятных вечеров, проведенных у Григорьевых в Москве накануне Шукшинских чтений 2005 года.

* * *

22 июля 05 г. На Алтае начинаются Шукшинские чтения, а ни я, ни Григорьевы поехать на них не смогли. Я в эти дни в Москве у Григорьевых. Было утро, когда зазвонил телефон. Я поднял трубку – женский голос просил пригласить Рениту Андреевну, я ответил, что она еще спит, и спросил, кто ее спрашивает.

– Лилия Харитоновна Саранцева, – представилась она.

– Лилия Харитоновна, здравствуйте! – обрадовался я. Это была вдова Александра Петровича Саранцева, близкого друга и земляка Василия Макаровича, кинооператора, снимавшегося у него в «Калине красной». Я близко знал его, бывали в гостях друг у друга. Я обрадовался, и мы с ней разговорились. Проговорили мы более часа. Оказалось, что ей только что сказали о смерти Натальи Макаровны 10 июля. О смерти А.А. Макарова, 17 июня, она тоже ничего не знала.

– Как вы поживаете, как чувствуете себя?

– Живу одна, – печалилась она. – Никто со мной не общается. Дочь в деревню уехала, а в Сашину комнату я не захожу с самой смерти. Так закрытая и стоит... Я только-только стала приходить в себя.

Голос ее, печальный и тихий вначале, переходящий почти в слезы, за разговором постепенно повеселел. Мы вспоминали Александра Петровича, говорили о его характере, а следом вспомнили и Шукшина. Я спросил о рукописях Александра Петровича – он писал замечательную документальную прозу, написал книгу воспоминаний о нем «Что с нами происходит?» и, как верно заметила Ренита Андреевна, он просто в свете Шукшина боялся выглядеть бледно. На самом же деле у него был прекрасный слог – вспомним хотя бы книгу-воспоминание о Шукшине «Что с нами происходит?», которая читается на одном дыхании. Да и проза его совершенно иная – его призванием была документалистика, он документальное творчество ставил выше художественного. Потому он был прекрасным оператором – кинодокументалистом, и проза его, воспоминания-исследования о родных его местах, о родне, были точны и художественно образны. Он как-то целый вечер, когда я ночевал у него, читал свой документальный роман, интересный и написанный великолепным языком. Я заинтересовался судьбой его рукописей. Оказалось – он отдал их перед смертью брату, и теперь она считает, что они пропали безвозвратно. Я посожалел, что не довелось с ним съездить в Сrostки, и разговор зашел о Шукшине.

– Ты знаешь, Саша, все же они с Васей были настоящие мужики, – повторила она дважды. – Память у Васи была очень цепкая. Он многие детали, казалось бы, самые мелкие – помнил. Он часто у нас бывал, совсем своими они были с Сашей – земляки же. И ночевал, и жил у нас, когда негде было жить. Я как-то рассказывала ему о своем детстве, о том, как у нас была корова, и она зашла на соседское поле и отравила его, а потом пришла домой, и кишки за ней следом волочатся – ее вилами пропороли. А потом в «Калине» он этот случай вспомнил. Когда ведь рассказывала ему – а он потом, спустя много лет, вспомнил.

А потом что-то в нашем разговоре вспомнилось об особенностях его характера.

– Ой, да Вася был трус отчаянный! – смеясь, сказала Лилия Харитоновна.

– Трус?

– Да он машин боялся очень. Мы когда с Сашей на Соколе жили, там нужно было в одном месте Ленинградский проспект переходить. А тогда еще ни подземного перехода не было, ни светофора. И вот нам переходить надо, а он никак не решится, на машины смотрит, а сам в меня так вцепился, что просто не оторвешь! Так я его буквально волокла

через дорогу. Все же город для него был чужим, он его боялся, а без него уже жить не мог. У них в характере у обоих – и у Саши, и Васи – было одно – они не допускали чужого первенства. Тут они были похожи. Мы когда жили в Швеции, Саша меня взялся учить ездить на машине – мало ли какая необходимость появится. И вот я так быстро освоилась, хорошо так у меня получалось с вождением. Я вижу – Саша ревниво так к этому относится. А у него, когда он ездить стал, долгое время плохо получались повороты – никак он не мог научиться вовремя поворачивать! А я сразу усвоила и повороты, и езду, и он – ты знаешь, как он нервно переживал: ну как же! – у меня – и лучше получается! Вот и Вася таким же точно был. Мы тогда часто компанией собирались, весело было, интересно. Как-то сидели у нас с компанией, а у нас чья-то гитара оказалась. Саня взял ее, стал играть и петь. Слух у него плохой – у Васи лучше был, но на гитаре не играл – не знаю – может он на балалайке только. И вот Саня играет и поет, а Вася – ты только бы видел, как он на него смотрел, на то, как Саня играет. Взгляд у него стал такой тяжелый, ревностный. Дождался, пока Саня доиграл, – и сам гитару берет – и прямо так уверенно берет, будто, кажется, сразу заиграет. И вот взял и рукой два-три раза провел по струнам – а не получается! Он тогда, знаешь, на тахту ее бросил и так, с таким сожалением: «Йэх-х!» Не получилось. А казалось, что тоже сможет.

– Да-а, Лилия Харитоновна. А ведь они так похожи были друг на друга.

– Похожи... Да... Мужики... Настоящие мужики они были.

Вечером по просьбе Рениты Андреевны мы занялись разборкой на антресолях вещей, не разбиравшихся лет пятнадцать, с самого переезда Григорьевых на эту квартиру на улице Грановского (теперь это Романов переулок).

– Мы сегодня доберемся, наконец, до антресолей у кухни. Только тебе переодеться нужно, там пыли много. Сейчас Юрино что-нибудь найдем тебе.

И Юрий Валентинович выдал мне трико, в котором я почувствовал себя Николаем Цискаридзе, и рубашку с полуоторванным рукавом. Чтобы почувствовать еще большую схожесть с болеро, я проделал несколько балетных па, чем вызвал небывалый смех всех обитателей квартиры. Была уже полночь, но все смеялись так, что Ренита Андреевна даже почувствовала себя плохо. Подставили стремянку, и я стал снимать с антресолей мешки с вещами, какие-то громадные американские чемоданы. Следом – пара боксерских перчаток.

– О! – воскликнул Юрий Валентинович. – Это те самые перчатки, в которых Вася боксировался.

И он опять вспомнил тот случай, который уже как-то упоминал прежде.

– Как-то мы собрались компанией, и был Вася Шукшин. Он чуть подпил. А среди находившихся в компании был один мастер спорта по боксу. И Вася запетушился: – Я тоже сейчас... Надевает перчатки – и на этого мастера спорта. А Вася же еще у Тарковского снимался в студенческой работе, и он там играл боксера. Вот и вспомнилось ему – а тут еще «так кстати» оказался этот боксер. Ему говорят: Вася, не надо, он

же мастер спорта по боксу... Но разве Васю остановишь! Ну, конечно, мастер-то понимал, что Вася-то не умеет толком боксировать, и хоть защищался в основном, увертывался, не давал ему доставать себя, но все же Васе тогда досталось немного. Да чего там – немного! А утром, когда Вася проснулся, вышел помятый – он у нас тогда на Комсомольском проспекте в отдельной комнате жил. Проходит мимо, в ванную, плечами так поводит, морщится и говорит:– Чего-то у меня все болит...

Чемоданы, пакеты, коробки.

– Где-то у нас и шапка Васина была, – говорит Юрий Валентинович – Не знаю, почему она у нас осталась. Он, кажется, зиму у нас жил, а когда тепло было, он ушел и забыл, наверное, про нее. А мы когда пере-езжали с Комсомольского, среди вещей увидели ее.

– Ой, а это же халат Марии Сергеевны, – Ренита Андреевна держит в руках теплый синий халат с крупными цветами. – Она у нас жила, когда приезжала после смерти Васи. Да... Мария Сергеевна. Как же Вася любил ее. И Наталью. Ой, Юра, а я что вспомнила! – и Ренита Андреевна засмеялась. – Ты про мелкашку помнишь?

– Про какую мелкашку?

– Ну, про ружье? В Сростках. Когда мы стреляли, в наш первый приезд!

– А! Про поросенка! – и Юрий Валентинович засмеялся следом. – Ты расскажи, расскажи Саше историю эту. Пойдемте на кухню, чайник вскипел.

Мы сели пить чай на кухне, и Ренита Андреевна, смеясь, рассказала историю. Прямо «в лицах», на удивление точно «играя» всех персонажей – все же герасимовская школа!

– Я удивляюсь: почему Вася рассказ не написал об этом? Это же прямо шукшинская история! Ну вот. Приехали мы в Сростки. Это было, когда мы всей нашей бригадой молодых кинематографистов ездили по Сибири в 63-м году и в Сростки заехали. Вася так мечтал всех нас привезти к себе, на родину. И вот приехали: Вася, Саня Саранцев, мы с Юрой, Артур Макаров и Наум Клейман. А у Васи была мелкашка, она лежала у сестры Наташи – она училась в Новосибирске, и очень он ею гордился, этой мелкашкой. Она у Наташи где-то на чердаке лежала спрятанная. Вот мы как-то поужинали «хорошо», как это обычно бывало у Марьи Сергеевны, а Вася вдруг и говорит:

– А пойдемте постреляем! У меня мелкашка есть.

Достал он эту мелкашку, банку какую-то пустую консервную нашли, поставили ее на забор. И стали по очереди стрелять. А уже вечер, стемнело, сумерки стояли. И вот стали в очередь стрелять. И никак в эту банку не попадали. А Вася, вижу, злится, что все мимо, прямо скулы у него вот так вот ходят. И домой пришел недовольный, что не попал в банку. А попал, кажется, Саша Саранцев. А на другой день проснулись – за стол садиться, вдруг слышим с улицы женский голос:

– Марeya! – Это так Марию Сергеевну в Сростках звали – Марeya. – Марeya!

Мария Сергеевна дверь открывает – соседка. Стоит у двери и говорит:

– Марeya! Москвичи-то твои не уехали еще?

– Нет.

– Вот и хорошо. А то вот я тебе мясца принесла. Свиной задок.

Тут Вася весь даже засиял и делает такой жест рукой, мол, видали?
– это вам не Москва, тут народ-то какой! Сибиряки! И сияет. А Мария Сергеевна:

– А ты чего, поросенка зарезала?

А соседка ей:

– Да нет, тут какие-то паразиты поросенка застрелили... .

Мы тут и присели. Сразу хватились – и в двери. Мария Сергеевна:

– Вы куда? Чего ж не поели-то?

А мы:

– Ой, нам в клуб надо, опаздываем уже на выступление.

И бочком-бочком – и убежали.

Видели бы вы Марию Сергеевну вечером, когда она нас молча пельменями угощала. Так никто за вечер ни слова не сказал. Молча и ели.

Вот какая история была. И я удивляюсь: как Вася не написал. Прямо готовый рассказ. Может, ты напишешь?

Вот. Вроде бы со слов Рениты Андреевны записал и тот маленький эпизод.

А начинались мои шукшинские дни, когда летом юбилейного, 1999 года, я, ночуя на стройке своего дома в Ельце, вдруг в свете луны написал странное, что просило моё сердце, когда думал о Шукшине.

ПИСЬМО ВАСИЛИЮ ШУКШИНУ

Эх, Василий Макарыч. Душа ты моя душенька. Прошелся же ты по моей судьбе... Не обижайся, что я к тебе на "ты". Ты – вроде как дядька мне. И по годам, и по судьбе, и по облику. Уж больно ты на дядьев моих похож. Вот они, пятеро с отцом моим вместе в рамке за стеклом на стеночке, и ты тут же, под стеклом рядом сидишь, на Катунь родную смотришь, такой похожий на родню мою, такой близкий и родной.

Как-то так пошло-поехало у нас с тобой, что и родился-то я, когда ты писать начал. Год 1958. Помнишь, у тебя тогда рассказ опубликовали? Самый первый – "Двое на телеге". Долго я их, рассказов твоих, не читал – книг в доме почти не было. Тесно, очень тесно жили. Но среди полутора десятков книг была в нашем доме твоя первая книга – "Любовины". Вышла она в 65-м, когда я в школу пошел. Но вначале сложился у меня просто образ твой – из фильмов. И там я отличал тебя по простоте, искренности, родству какому-то. Потому, наверное, все, что ты делал и играл, видел я в той жизни, которая потихоньку ушла, а мне сейчас кажется самой дорогой и искренней.

Это 50-60 годы. И все, о чем писал ты в эти годы, так мне близко, словно это рассказы о родне, которыми делится приехавшая из дальних родных хуторов тетка. И обо всем хочется расспросить и узнать у нее за то короткое время, пока гостит она. Сидит себе с краешку на диванчике и рассказывает об очень редко видимой родне. И в рассказах твоих тоже – вот они, простые, дорогие мне люди, с их естественностью

языком, живущие совсем рядом со мной в таком простом, добром и не очень, мире, где люди любят и ссорятся, страдают и радуются, врут и тут же сами казнятся. И все время работают, работают, кормят всю Россию – матушку.

А потом был год 74-й. И ты был где-то рядом, на Дону, и последний вздох твой услышала родная моя земля. А летом 75-го, после последнего экзамена в школе всех нас, выпускников, повели на твой последний фильм, на его премьеру. И снова увидел твое родное лицо, и почему-то показалось тогда, будто что-то начинает уходить в этой жизни, или изменяться, или сам я становлюсь старше. А за полгода до этого, в первые дни 75-го я в Москве, в городе, где ты долго жил, запоем прочитал твои рассказы. И все в них было и просто и сложно, как в нашей жизни тогда.

И вот теперь перечитываю их снова и начинаю понимать: отчего же это в них не просто близко было тогда, а понятно сейчас и будет нужным завтра. Оттого это, что живет в этом непридуманном мире простой русский человек, душевный и ранимый, как ты сам, и об одном и том же болит душа его. Всегда готов он снять с себя последнюю и единственную, сопревишнюю в трудах рубаху, чтобы отдать ближнему или порвать ее на себе, увидев врага... И любит, любит, любит. Любит и стесняется этого. И болит душа его, а он все травит ее и травит. По-другому не может. Как не мог по-другому жить ты. Потому-то и тянет меня к тебе. И жалею я бесконечно, что хоть и знаю тебя, чувствую и люблю, а ни разу не видел тебя. Только вот в год твоего 70-летия встретились мы с тобой. Пришел я с твоими самыми близкими друзьями на могилку твою. И в другой раз случилось вскоре зайти, помолчать. И не оттого ли увидел я потом так близко твоих героев? И пришли они ко мне и сказали: “Вот они мы – пиши...” И начал я писать: так ли – не знаю. Знаю только, что болит у них душа, как и прежде, когда они жили на страницах твоих книг. Потому, что не может не болеть душа у русского человека.

Прости меня, Василий Макарыч. Прости и благослови...

Июль 1999г, Елец.

Это мое «Письмо Шукшину» на другой день было записано через телефон Григорьевыми, а через три дня было прочитано на «Шукшинских чтениях», на Пикете в Сростках. Ждать с этого дня встречи с родной Шукшина пришлось недолго. Тут же оно и явилось – долгожданное приглашение в Сростки на следующий год.

Было это так душевно, как и ожидалось. А жил я в Сростках у знакомых Василия Макаровича – «бабы Раечки» и дяди Гриши Требух в их доме над Катунью. Другим же днем, как проснулся в ясное, румяное от солнца утро, я сидел на крыльчке, щурясь от низкого утреннего солнца: молодого, румяного, и наблюдая жизнь многочисленных собак, не вставая с крыльца, написал первый сростинский рассказ.

Хотите проверить мудрость поговорки «Сами кобели и собак навели?» – приезжайте в Сrostки.

У тети Раи с дядей Гришей четыре кобеля. Кобели, конечно, – это на круг. Есть и суки. Живут они за штaketной загородкой. Объединяет их то, что сидят они на цепях да любят поспать в самую жару, повалившись в тень, под поленницу. В остальном они разные.

Первой у калитки сидит маленькая собачка с черно-рыжей мордой и ушами как у шапки-ушанки. Зовут ее Кукла. Спит она в старой бочке, лежащей у забора. Развлечение ее составляет то, что она может пролезть через дырку в заборе на дорожку у крылечка и там покрутиться, понюхать следы хозяйских гостей, которых здесь бывает больше десятка за день.

Рядом с Куклой в сарае живет Малыш. Специально для него дядя Гриша выпилил в стене бо-о-льшую дыру в две доски. Большую потому, что, несмотря на свое имя, Малыш – это крупная собака волчьей масти с мордой как у лайки. Голос у нее глухой и хриплый, какой-то прокуренный. Со своего места, очерченного натоптанной на длину цепи землей, Малышу лучше всех видно покатую, крытую лапасом крышу сарайчика, по которому, не обращая на собак внимания, ходит кошка Маринка. Малыш не любит этого, беспокойно взрывает, делает стойку и, замерев, глядя на крышу, тихо скулит. Проследив весь маршрут кошки, скрывшейся за краем крыши, он с минуту еще ждет, поскуливает, надеясь, что та вернется. Малыш – взрослая уже собака, но от нечего делать любит поиграть куском полена, валяющегося в радиусе его жизненного пространства.

Дальше, к стенкам дровника и сарая дядя Гриша прибил четыре доски и накрыл их крышкой от ящика. Получилась хорошая собачья будка. В ней привилегированно живет Белка – маленькая собачка со смешной мохнатой мордой. Мастью она напоминает Куклу. Судя по разнице возрастов, Белка может оказаться дочерью Куклы, загулявшей на стороне. Если это так, то Белка больше в незнакомого нам папу. Тетя Рая говорит, что они двоюродные, но по какой линии – не может вспомнить. Белке веселее всех оттого, что рядом, у ее будки – калитка в свиной баз, и собака от скуки может глядеть сквозь щели на свиней, деловито расхаживающих по выстеленному плахами полу база. Иногда свиньи подходят к калитке, и жизнь у Белки сразу становится интереснее. Прищуриив желтые, прячущиеся в волосах глазки, она в упор смотрит на кабана, уткнувшегося пятаком в калитку. Видно, свиной запах надоел Белке, и она отходит от стены дровника, ложится на солнце, натянув цепь, прибитую к его крыше. Трудно понять, как ей с ее кошачьим весом удается удерживать эту привязку из кусков цепей, проволоки, замков и скруток, способных удержать на приколе судно малого каботажа. В отличие от других собак, Белка может увеличить обзор с крыши своей конуры, поэтому ее часто можно там увидеть.

Ближе всех к кухне живет Черныш, самый мелкий кобель. Если бы не его звонкий кукольный лай, Черныша можно было бы принять за кошку. Кроме масти, от других собак его в корне отличает окружающая

обстановка. Все вокруг него напоминает о воде: полуторакубовый бак для воды, стоящий на нем термос, две металлические бочки, вырезанные бока от оцинкованного корыта, тазы, ведра, донца от бочек и раковина от умывальника. Единственное, что выпадает из морского стиля, окружающего Черныша, – заменяющий цепь полуистертый шнур от утюга, которым он привязан к ручке корыта, набитого камнями и дрочками.

Вчера тетя Рая пекла блины, которыми накормила гостей, поэтому посреди собачьего двора, на нейтральной территории, в пыли лежат четыре жирных блина, и собаки при желании могут дотянуться до них, но блины их уже не интересуют: они уже разделили с хозяевами и гостями радость встречи.

В зависимости от температуры воздуха и солнечной активности собаки лежат на солнце или прячутся в тени. Естественное, главное положение собак – положение лежачего, и делать это они могут разнообразно и даже виртуозно: от простого лежания на боку с вытянутыми лапами, что указывает хозяевам на отсутствие всякой угрозы в радиусе километра, до сторожкого лежания на животе, с мордой на передних лапах, со вздрагивающими ушами и подозрительным вождением глазами. Вся эта идиллия покоя с лежанием, зеванием и чесанием мгновенно прекратится, если вы попытаетесь войти в гостеприимный двор тети Раи и дяди Гриши. Такого приветствия вы больше нигде не услышите. Заливистый и бухающий лай в нестройном хоре звучит на разные темы: от грозного «Какого черта вам здесь надо?» или «Уходи, пока мы тебе не насовали!..» до любопытного «Это кто же к нам пришел?» или совсем миролюбивого «А... Это ты...» Продолжается это две-три минуты. И если после такой встречи вы наберетесь мужества и попытаетесь войти в эту клетку с дикими зверями, да еще скажете каждой собаке по паре ласковых слов, они будут готовы лизать вам руки, заглядывать своими добрыми глазами в ваши, и будьте уверены: лучше, сердечнее друзей вам не найти во всем собачьем мире. И то, – верно же еще говорят: «Какие хозяева, такие и собаки».

Алтай, Сростки, 23.07. 2000

Несколько дней жизни в Сростках среди шумного, песенного застолья участников чтений перемежались с купанием в Катунь, сидением вечерней зарей на лодке под гармонь. И, конечно, неспешные прогулки по тихим улицам Сросток, заросшим необычайно пышной крапивой, закрывавшей самые высокие заборы. До дома матери Шукшина – Марии Сергеевны, который он купил ей на гонорар от тиража «Любавиных».

25 ИЮЛЯ

2000 год. Сростки. Музей Шукшина
в доме его матери, Марии Сергеевны.

Комната Василия Макарыча с двумя окнами, глядящими на подножье Пикета со взбегающей на него березовой рощей. На стене комнаты висят часы «с боем», на которых остановилось время 16-25. Два стула, стол. На столе – стакан с ручкой и карандашом, пачка сигарет

с пепельницей, лампа и фотография: Шукшин с племянниками. А еще – печатная машинка «Москва», на которой столько им напечатано... Гляжу на ее черные кнопки, и так хочется их потрогать.

Чем дольше смотрю на нее, тем яснее понимаю, что из нее не вышло ни слова неправды. Ведь все зависит от того, чьи руки будут нажимать эти клавиши... Под его руками на белых листках проступали лишь слова своей души и правды той жизни, которую он видел вокруг и которая жила в нем самом. Нет, не всегда было в нем согласие с тем, что он видел, но главное – он мог точно это оценить и передать в выстукиваемых машинкой строчках. И не делать этого не позволяла его растревоженная, ранимая, чуткая до всего душа.

И, главное – говорилось это простым, ясным и живым языком. Честно, просто, безразлично. И долго ли это могло выдержать его отзывающееся на все сердце? Ровно столько, сколько сумело. Вряд ли больше. И ровно настолько, чтобы так точно показать его «простых» людей со светлыми душами, без прикрас, не причесанных мелким гребешком соцреализма, не поставленных без разбора к одной стенке карающим пером... Они у него такие же, какие и в жизни: неретушированные, непричесанные, с серыми от трудов, грубыми руками, без галстуков и орденов. Ровно такие, какими видишь их на улицах Сросток, из музейного окна, возле которого на столе с суконным верхом стоит маленькая печатная машинка, чьи кнопки передавали людям его слова Правды.

Последний раз, стоя в дверях комнаты, оглядываю ее простой деревенский уют. Пора ехать. Я гляжу на свои часы... На них то же самое время, что и на висящих на стене, – 16-25. Может, он ждал? С гулко, тревожно толкающимся сердцем выхожу из дома, отмечая про себя: все же хорошо, что есть на свете музеи, – места, где время может останавливаться. Надолго. А хорошо бы – навечно.

В музее прохладно, на дворе солнечный жаркий вечер. За огороженным штaketником двором, между деревянными заборами – изгиб уходящей вниз улицы, крыши Сросток, дальше синееет лес на островах Катуня. Мужик в фуражке везет на тележке сено; внизу, на соседнем огороде, женщина полет картошку, на зеленом откосе две девчушки, смеясь, примеряют венки из ромашек. Снова гляжу на часы, на них 16-26. Время идет, и все больше желание услышать стук клавиш его машинки...

* * *

Ночь, я сижу в библиотеке Григорьевых, пишу, стараясь запомнить все детали этого вечера, ставшего вдруг здесь, в Москве, Шукшинскими чтениями.

– Саша, – окликает меня Ренита Андреевна. Она в дверях. – Не спишь?

– Нет, нет, пишу вот.

– Я вижу, свет у тебя горит.

– А вы чего не спите?

– Да вот... – Ренита Андреевна садится на диван и, глядя на меня, протягивает небольшую пачку старых конвертов. – Смотри, что я нашла.

Я беру их и почти вздрагиваю – на конверте шукшинский почерк.

– Это же шукшинские письма!

Перебираю – конверты, листки. У одного оборваны края, у другого словно обгрызены мышами – так знакомо мне по моему деревенскому дому, когда мыши добирались до книжек на полке.

– Васины письма. Я сама не помню, как они у нас оказались. Мария Сергеевна, наверное, привозила... не помню.

Письмо первое. Написано на листе чистой бумаги четвертого формата, сложенного пополам, чернильной авторучкой. Правый нижний угол утрачен, изгрызен мышами, это дает основание полагать, что хранилось в деревенском доме, скорее всего, в Сростках. По содержанию письма и упоминанию экзаменов можно предположить, что Наталья сдает школьные экзамены либо вступительные. Но поскольку речь идет о первом экзамене, результат которого Шукшин ждет зимой, 5 января, скорее всего – это школьные экзамены. И написано письмо в конце 40-х годов, когда Шукшин уже уехал из Сросток, но еще не определился, что и скрывал от матери. Слова на листе – свободно, без единого переноса. Особенность ранних шукшинских писем. Орфография и пунктуация – Шукшина.

Привет моей дорогой сестренке.

Получил твое письмо;

спасибо.

Ты справедливо упрекнула меня в жалобе на нехватку времени. Действительно смешно. Прости, пожалуйста. На нехватку времени жалуется тот кто не умеет использовать его. Я забыл об этом. В отношении нашего старого: милая моя, не могу удовлетворить твоей просьбы.

О настоящей жизни(утр. 1-2 слова) интересах сохранени....(утр. 1-2 слова) тайны. Я понимаю....(утр. 1-2 слова) не имею права....(утр. 1-2 слова) И потом, ве....(утр. 1-2 слова) интересна....(утр. 2-3 слова) жизнь....(утр. 1-2 слова) прошедшую жизнь рассказать тоже не могу. Однажды я покался никому и никогда не рассказывать о себе. Смотри, я даже матери ничего не говорю. А знаешь, как это трудно. Она бедная уж и не спрашивает теперь. А ты такая настойчивая; вот расскажи ей да и только. Могу тебе сказать: у меня все в порядке. (А) у тебя?(утр. 1 слово) ли учишься?(утр. 1-2 слова) тебя не(утр. 1-2 слова) ...ой, все(утр. 1-2 слова) мне.(утр. 2-3 слова) и ей и....(утр. 1-2 слова) хорошо. Смотри же... Буду ждать первых твоих результатов с 5 января. Знай, есть человек который всегда следит за тобой за каждым шагом, радуется каждому твоему успеху.

Когда выйдешь сдавать первый экзамен вспомни меня.

А вообще есть у меня для тебя хороший совет: смелее во всем, везде и всюду. Смелее! Побеждает тот кт(о не) думает об отсту(плении) кто даже отсту(пая) думает о сво(ем?) Чувствуй себя(утр. 1-2 слова) жизни.

*Жизнь, тв(оя)(утр. 1-2 слова) борьба и....(утр. 1-2 слова) Этому можешь учиться у коммунистов, но только у настоящих коммунистов. Есть к сожалению коммунисты у которых нечему учиться. Итак, спеши, девушка! Только воля, твердость желаний и желание победить помогут тебе. Все остальное – ничто. Я надеюсь, что экзамен ты сдашь. Я в этом не сомневаюсь. Спасибо за последнюю часть(утр. 1-2 слова) (письма) (?). Там я много(утр. 1 слово) (по)нимаю.(утр. 1-2 слова) Калачиков....(утр. 1-2 слова) (Нижние 2-3 строки утрачены)
Твой Василий.*

Письмо второе. Наталье.

Оно не датировано и не подписано, но, судя по всему, около 1950 года. Наталья только что поступила в институт. Шукшин служит. Написано на уменьшенном листе А4 с оторванными верхним и нижним краем, перьевой ручкой, фиолетовыми чернилами. Почти без знаков препинания. Слова на листе – свободно, без единого переноса. Особенность ранних шукшинских писем.

Здравствуй Наташа!

Получил твою «записку». Немного, но и за это спасибо. Хочу объяснить почему мои письма порой бывают так кратки. Вот почему, сестренка: не всегда есть время написать очень длинное письмо, а написать очень хочется. Что тут делать? Один выход – написать короткое письмо которое займет меньше времени. Но я не знал что тебя это так встревожит. Учту.

Надо сказать что и ты платишь той-же монетой: – на короткое коротким. А почему, скажи пожалуйста? Обида? Милая моя, стоит ли обижаться. Как бы там ни было у тебя есть возможность написать брату более подробное письмо. Есть? Значит, твое письмо кратко лишь потому что мое коротко? Не годится. Да и по совести признайся у тебя больше времени нежели у меня. Институт... дела всевозможные, да разве мало!

Кстати, как дела в институте? Напиши какие науки изучаете? Как проходят лекции? Какой предмет тебя больше других интересует? Напиши очень знать это хочется.

Мама пишет что у ней все хорошо – значит и у меня все хорошо. Значит хочу допустить себе небольшую «слабину» (на морском жаргоне). (Скажи, пожалуйста – зачеркнуто) Расскажи, пожалуйста, более подробно о своей подруге. Ведь ты, верно, хорошо знаешь ее.

У меня дела не блестят. Пусть тебя это не тревожит, дорогая сестра. Есть вещи которые трудно даются уму постороннему. А вообще – все в порядке.

До свидания. Пиши.

Будь здорова, милая сестренка, учись.

PS Получила ли фотокарточку?

Пришли свою.

Письмо третье. Наталья.

Написано на двойном тетрадном листке с отрезанной перед написанием письма полоски шириной 5 см внизу второй половины листа, перьевой ручкой, фиолетовыми чернилами. Судя по содержанию, написано весной 1950 или 51 года. Наталья учится на первом курсе, Шукшину идет 21-я весна. Фамилия Валентины, адрес которой просит Шукшин, затерта мокрым пальцем, чтобы не читалась. Вряд ли это сделал Шукшин, возможно – сама Наталья. Скорее всего, эта Валентина тоже сrostинская, но на момент написания письма жила не в Сростках, может быть, из сверстниц Н.М., также уехавших учиться или работать. Судя по письму Шукшина к матери, датированному 26 августа 1950 года, в котором он волнуется за Наталью, поступающую в институт, данное письмо написано весной 1951 года и вложено в конверт от 27 марта 1951 года из Севастополя. Подтверждает это и просьба к матери в письме от 26.08.50 уточнить фамилию девушки, уехавшей поступать вместе с Натальей.

Слова на листе – свободно, без единого переноса. Особенность ранних шукшинских писем.

Здравствуй, Наташа!

Имею пару свободных минут: решил написать тебе.

Прежде всего хотелось бы знать, как ты отнеслась к моему предыдущему письму. Сейчас надо признаться, что написано оно было под (впечатлением – зачеркнуто) влиянием чувства. Там местами разум совсем оставлял меня одно чувство, глубокое и сильное, двигало рукой. Только теперь начинаю понимать, что все письмо написано не так но... уж ты получила его. Прости, дорогая. И не обижайся!! Разве я не имею права подсказать тебе там где, мне кажется нужным подсказ.

Но еще раз говорю: в предыдущем письме я был не прав. Мы обоим любим свою маму, только иногда (подчеркнуто дважды) забываемся. Вот на это нужно обратить внимание. Теперь хотелось бы знать, как идут твои дела в ин-те. Ведь скоро сессия! – Как ты себя чувствуешь? Как прошли экзамены по физике?

Короче: можно нам с мамой надеяться на успешное окончание 1-го курса нашей – сестры и дочери.

Есть к тебе одна великая просьба: мне нужен учебник по русскому яз. Причем, такой, где бы материал излагался наиболее обширно. К примеру: учебн. русского яз. для уч-ся педагогических институтов. Может быть в Новосибирских магазинах есть такие – посмотри, пожалуйста. Если есть купи и вышли мне бандеролью.

Помнится, ты меня как-то спрашивала, как на меня действует весна. Сильно действует, сестренка. Это 21-я и чуть ли не самая сильная... может быть потому она сильная, что 21-ая. До того времени я жил не «оглядываясь». Во-первых не было времени, во-вторых обстоятельства... Жизнь новая, невиданная, незнакомая развернулась перед глазами и полностью поглотила мое внимание. Сейчас как будто устоялось все и начинает давать знать о себе человеческая природа. Начинаю (только теперь, как ни странно) осмысливать, понимать в истинном смысле пройденный путь. Ты вот просила рассказать меня

о себе. Но как рассказывать? Терпение, моя дорогая, и ты узнаешь все. Дай время мне самому как следует понять прошедшее. Но хочется уже теперь разуведить вас (с мамой), что в том, что ничего преступного, порочного в моей жизни не было несмотря ни на что. Я знаю примерно, что подумываете про себя...

Еще одна просьба к тебе (не великая): вышли, если знаешь, адрес К(стерто)ной Валентины. Эта просьба рассчитана на твое доброе настроение.

С приветом Василий.

Письмо четвертое. Матери, Марии Сергеевне.

Написано карандашом на двойном листке из школьной тетради в линейку. Окончания нет, видимо, письмо было длинным, поскольку семейные проблемы в это время были большими. Написано свободно, без переносов. В конце лета Василий еще не знает ни новосибирского адреса сестры, ни результатов ее поступления. Беспокоится за сестру, но и успокаивает мать.

**Севастополь
26.08.50**

Здравствуй мама!

Получил сегодня твое письмо; великое спасибо. Рад узнать что ты жива и здорова, милая моя. И я, тоже, жив и здоров. О Наташе до сих пор ничего не знаю, кроме того, что она в Новосибирске, сдает экз. Как сдает? Успешно ли? Вот бы мне что хотелось сейчас узнать. Я б хотел чтобы из тех 3-х человек, претендующих на одно место в ин-те, самой счастливой оказалась моя сестра, но... нам остается с тобой, мама, только желать ей счастья, а ей – добывать его. Кстати: опять я не понял фамилию девушки с которой она поехала. Дай Бог им счастья! Отвечу подробнее на твое письмо. Ты пишешь что скучаешь по нас. Желание матери увидеть детей, быть с ними я понимаю. И нам, детям твоим, тоже очень хочется увидеть тебя, наша милая, хорошая мама, но что сделаешь? Ты также пишешь что тебе жалко нас. Вот жалеть не нужно. Жалеть можно потерянных людей, людей запутавшихся в жизненных явлениях, – тех нужно жалеть и не только жалеть, а всячески помогать им. Я не считаю себя человеком заблудившимся, живущим бесцельно и безобразно, – нет. Наташа тоже, с твоей помощью, (большое тебе спасибо за это, мама) стала на верную дорогу. Если она не сойдет с нее, она жизнь проживет счастливо. Нужно только еще помочь ей на первых порах; первые шаги ее будут слабыми: нужна будет посторонняя помощь, наша: твоя, мама, и моя. Она еще полностью не понимает значения учебы: учится потому, что во первых: все учатся, во вторых: ты хочешь чтобы она училась, вот благодаря этому она учится. Еще год-два и она поймет, мама, что учиться необходимо, и не только потому, что в дальнейшем будет верный кусок хлеба, а потому, что знания вообще необходимы человеку, в полном значении этого слова. Если она не выдержит этого экзамена будет плохо, но будет еще хуже, если она поступит в какой ни попало техникум. Она-то может быть и захочет этого, да мы-то взрослые люди, мы должны помочь ей.

Я вот что советую. Если она не выдержит экз. и не поступит в другой ин-т, пусть пробудет год дома. Времени, я полагаю, будет достаточно, чтобы ей самым серьезнейшим образом подготовиться к экз. и на будущий год успешно сдать их. К тому она на год будет старше, а это очень много значит.

Далее. Ты пишешь насчет скотины.

Я не знаю точно обстановки в какой ты живешь, но на мой взгляд, в любой обстановке

Письмо это не завершено, нет окончания, дальше лист отсутствует.

Конверт к одному из писем Шукшина, адресованному сестре Наталье. На лицевой стороне конверта треугольный штамп «Бесплатно. Матросское письмо» и круглый штемпель «Севастополь Крымск обл. 27III51». На обратной стороне штемпель «Новосибирск почтамт –71250-8». Вариантов два – или письмо отправлено весной 1951 года, 21 марта 51 г. и тогда оно датирует письмо о 21-й весне Шукшина. Либо оно датировано 7 декабря 50 года и относится к письму, в котором он пишет о январских экзаменах сестры. Но, судя по почерку и чернилам на письме, конверт, скорее всего, соответствует письму о «21 весне». Письмо о первом экзамене Натальи написано авторучкой.

«Новосибирск, ул. Потанинская, 27,

Н.И.И.Г.А. и К.

Шукиной Нат. Мак.

(Обратный адрес)

Севастополь,

34259

В Шукин»

Письмо пятое. Матери.

Написано из Ленинграда. Возможно, в конце 40-х годов, (во время призыва на службу?) На тетрадном листке в линейку, чернильной авторучкой.

Здравствуй мама.

С горячим сыновым приветом – Василий. Получил твое письмо. Первое письмо из дома. Можешь ли представить себе, дорогая моя, как обрадовали и взволновали меня эти два листочка написанные тобой. Я забыл когда из моих глаз выкатилась в последний раз слеза, (бывало и горько и обидно) а тут не мог сдержаться. Не могу выразить словами это чувство. От них повеяло на меня родиной, полями, домом, к ним касалась твоя рука... Ты упрекаешь меня мама в том, что я так долго не говорил своего адреса. Даже говоришь так: «неужели тебе неинтересно знать, родная мать жива или нет». Мама ты в самом деле так думаешь? Да разве мог я забыть о моей матери. Нет, моя дорогая, моя бесценная, мысль о тебе всегда была моим верным спутником. Она поддерживала меня в трудные минуты, она всегда направляла меня на

верный путь. Я мог забыть о чем угодно, но не о моей матери. И если я не сообщал адреса, то для этого были причины сильнее моей сыновней любви. Указывать эти причины долгая и неприятная штука, и вообще не нужно вспоминать о прошлом. (Кстати, получали ли вы мои письма?). Дальше. Ты говоришь, что могла бы приехать ко мне. Што ты, милая моя? Ведь я так далеко от вас, в Ленинграде. Причем, тут я, не далее как до 1-ых чисел июля (VII) И сам я пока не могу приехать. Дорогая моя, твое беспокойство и желание мне понятно и я никогда не забуду этого. Но милая моя...

(нет окончания)

Письмо шестое. Матери.

Простой тетрадный листок в линейку, на нем шариковой ручкой с фиолетовыми чернилами написано:

Мама посылаю тебе это последнее письмецо из Белозерска. В Москве буду числа 15. Мама, мы осенью вот что сделаем: купим «домик» в Сростках. Даже хорошо бы полдома с кем-нибудь, чтобы зимой было спокойнее уезжать, а на лето приезжать. Очень уж в городе тяжело летом. Вот даже прошу тебя: поспрашивайся, нет ли у кого так: чтобы где-нибудь полдома: нам и важно-то пожить лето, да чтоб банька была. И ребятишкам на лето будет куда приехать. Подумай, напиши мне в Москву. У меня здоровье ничего. Ребятишки также теперь здоровы.

Осенью (поближе к зиме) я твердо обещаю приехать.

Дай бог тебе здоровья, родная. Очень волнуюсь за Надю с Сережей, как им удастся ли. Я Наташе послал отдельно 500 рублей для Новосибирска отдельно – на всякий случай.

Ну, целую тебя.

Дай Бог тебе здоровья!

Вася

Надя и Сережа – племянники Шукшина, дети его сестры Натальи.

Дата в письме не указана, но ее можно уточнить по пребыванию в Белозерске и по тому, что дом в Сростках у Пикета еще не продан.

Всю ночь я просидел, набирая на компьютер эти письма. Читать их легко, почерк у Шукшина разборчивый, округлый. За словами, написанными быстро, без долгих раздумий, с характерной шукшинской интонацией, легко слышится его голос. Чаще – озабоченный мыслями о родных ему людях – сестре и матери, или бодрый, в котором – желание снять все тревоги о нем, убедить, что все у него хорошо. А с сестрой – наставительно, по-братски. Но всегда – с такой любовью, что чувствуешь, как сжималось его сердце, как рвалась душа приехать, обнять, сказать ласковое, доброе слово.

Как-то в один из приездов в Москву я по обыкновению зашел в Союз Писателей на Комсомольский проспект, 13. В кабинете Марины Ганичевой, среди творческого беспорядка, заключавшегося обычно в горах книг, книжечек, рисунков детей, лежащих на столах, креслах и диване, как всегда – множество людей, обычно приходящих внезапно, здоровающихся, пьющий чай и уходящих так же внезапно, но уже обнимаясь, как старые знакомые. Один из гостей был из Барнаула, и это стало понятно по его разговору о готовящемся к юбилею Шукшина собрании его сочинений.

– А в собрании будут письма Шукшина? – вмешался я в разговор.

– Да, обязательно, будет и том с его письмами.

– Вам наверняка знакомо имя кинорежиссеров Григорьевых.

– Да, конечно, они же главные участники Шукшинских чтений.

– А знаете, что у них есть письма Шукшина? Они даже набраны мною на компьютере и ни разу нигде не публиковались.

Гость с Алтая заинтересовался этими письмами, я дал ему номер моего телефона, чтобы со мной связались издатели шукшинского собрания, а я пообещал переговорить с Григорьевыми о включении в него этих писем. Звонок с Алтая, из Алтайского госуниверситета, от редактора собрания Д.В. Марьина не заставил себя ждать, и я выслал ему письма электронной почтой.

«Уважаемый Дмитрий Владимирович.

Примите электронную версию писем Шукшина.

Если у Вас не случится связи с Григорьевой Р.А., то я с ее слов так могу прокомментировать их происхождение.

Эти письма хранились в семье Григорьевых – кинорежиссеров, Лауреатов Государственной премии, ближайших друзей В.М. Шукшина. Он, не имея постоянного места жительства в Москве, на рубеже 50-60-х гг. жил у них в квартире на Кутузовском проспекте, где собирались многие известные деятели культуры, однокурсники (А. Тарковский, М. Хуциев, А. Саранцев и др.). Среди его вещей, долгое время хранившихся в семье Григорьевых, были и рукописи в тетрадках Р.А. Григорьевой (например, сцены к их дипломному фильму «Венский лес» – «В концлагере» и «В кафе»), они были обнаружены в 2004 г. и опубликованы к юбилею Шукшина. А кроме этого, недавно обнаружили письма Шукшина рубежа 40-50 гг., адресованные сестре Н.М. и матери М.С. По их внешнему виду можно предположить, что они какое-то время лежали в Сростках: на чердаке или кладовой, и некоторые из них погрызли мыши. Как вспоминает Ренита Андреевна, Шукшин, скорее всего, в один из приездов на родину увидел эти письма и взял с собой в Москву, где они среди прочих его вещей пролежали у Григорьевых.

Три года назад, живя у Григорьевых, я попросил Ю.В. Григорьеву, часто снимавшего Шукшина, найти фотографии поездки по Сибири «Молодые кинематографисты – родине» (так, кажется, она называлась) зимой 1964 года. У Юрия Валентиновича я и прежде видел десятки фотопленок с известными и неизвестными кадрами той поездки. Он поручил мне разобраться в многочисленных коробках из-под

киноплёнки, и я нашёл эти плёнки, собрал в одну из коробок, в надежде, что с них можно будет сделать хотя бы контрольные снимки (их сотни). Она (эта коробка) и теперь лежит у них в квартире, и что-то уже было опубликовано (в «Роман-Журнале XX! век»). А попутно нашлись и эти письма. И тогда я, с позволения Р.А. Григорьевой, набрал их на компьютер, описав их состояние. Комментарии прилагаются к каждому из них.

Что касается ещё одного, неопубликованного письма Шукшина Григорьевой (оно написано в августе 1974 г. и передано ей после его смерти сестрой – Натальей Макаровой), то его Р.А. не решается опубликовать, считая очень личным.

Надеюсь на то, что издание собрания сочинений В.М. выйдет до его 80-летнего юбилея. Очень жду этого важного события.

Жду Вашего отклика на высылаемые материалы. Отзовитесь на мой электронный адрес.

С уважением к Вам и поклоном Алтаю – А. Новосельцев».

* * *

Григорьевы и Наталья Макаровна вспоминали несколько снов о Шукшине.

Первый рассказывала Наталья Макаровна. Она увидела его во сне. Вроде где-то «там». Играет музыка, и умершие танцуют, а среди них стоит Василий. Наталья Макаровна увидела его, подошла:

– Вася! – и стала с ним танцевать.

А от него холодом веет, это ее испугало. Он почувствовал и говорит ей:

– Ну, иди, иди, ладно.

Она его спрашивает:

– Вася, ну как здесь?

А он, как всегда, полушутя:

– Да как там, так и здесь.

И все.

Второй сон приснился Юрию Валентиновичу накануне отъезда на Шукшинские чтения на Алтай. Рассказала его Ренита Андреевна в его же присутствии – он волновался.

Идет он мимо дома одного знакомого, где-то на Чистых Прудах, смотрит в окно и видит своего знакомого, а за ним, будто из глубины комнаты, неясно так выходит Шукшин. Юрий Валентинович узнал его, обрадовался:

– Вася!

А тот машет рукой: иди, мол, сюда. Ю.В. бегом обежал дом, зашел в квартиру. Шукшин его встречает. Ю.В. его совсем въяви видит, обрадовался:

– Вася, да что же ты! Все так по тебе убиваются, а ты здесь. Ты хоть бы родным объявился, весточку бы послал!

Тот ему: мол, пока не время, но весточку передам.

– Какую?

– Сейчас, – говорит Вася, – и Шукшин вырывает из белой рубахи красную нитку и протягивает ему ее. Рубаха была белая, а нитка именно красная:

– На.

Ю.В. взял эту нитку и положил в кошелек. Проснулся он не в себе – и сразу к Рените:

– Ренита! – а глаза взволнованные, и рассказывает эту историю. – Ну, прямо живой совсем! – И говорит: – Пойдем, глянем в кошелек.

А сам, вижу, боится. Глянули, и, конечно, ничего в кошельке не оказалось. Но на этом история не кончилась. В тот же день прилетаем мы в Барнаул, как раз на Шукшинские чтения. Прилетели, а у Юры шнурок у крестика оборвался. Он у Тамары (Т.И. Вараксина, директор музея) спрашивает:

– Тамара, у тебя шнурочка нет?

Она ему:

– Посмотри вон там, на комод, в кошельке.

Юра берет кошелек, открывает его... и вдруг просто кричит! Мы вскакиваем и – к Юре. А он показывает кошелек, а в нем лежит красный шнурок...

* * *

Тогда же вспомнил я о наших встречах с Натальей Макаровой – у Григорьевых и там, на Алтае. И написал воспоминания, которые назвал «Талечка». Так звал свою сестру Наталью Макаровну сам Василий Шукшин.

ТАЛЕЧКА

Ежегодно в конце июля, в день рождения Василия Шукшина, на Алтае проходят Шукшинские праздники, куда ко дню его рождения 25 июля со всей России съезжаются десятки тысяч человек, душою и сердцем воспринимающих творчество великого писателя, актера, режиссера. Вместе со всеми в эти дни на Шукшинских праздниках в Барнауле, Бийске, Сростках всегда была и его сестра, Наталья Макаровна Шукшина – Зиновьева, которую Василий Макарович любил бесконечно, называя ее до последних дней так, как звали ее в детстве, – Таля, Талечка. Перед самыми праздниками пришло печальное известие – 10 июля Натальи Макаровны не стало. Но и теперь она будет вместе со всеми – похоронили ее рядом с матерью, Марией Сергеевной, на Сростинском кладбище, на Пикете. И в эти июльские дни здесь снова соберутся его друзья, писатели, режиссеры, актеры, исследователи его творчества, где снова будут вспоминать о Шукшине, где будет звучать Его слово и слово о Нем.

Тема нынешних Шукшинских чтений – «Шукшин и песня». Вспоминая сегодня и Василия Макаровича, и его сестру, у нас есть возможность вновь услышать их голоса и интонации, замечательно переданные в письмах Натальи Макаровны.

Несколько лет назад я задумал подготовить к юбилеям двух наших великих писателей – Шолохова и Шукшина – исследования по песенному содержанию их творчества. Сначала в виде небольшой статьи «Песни шолоховских романов» их опубликовал «Роман-журнал XXI век»

в №4 за 2004 год, а в юбилейные шолоховские дни ее полностью напечатал журнал «Дон» в №№4 и 5 за 2005 год. В 2004 году я занимался темой «Шукин и песня», и в юбилейные дни, дни 30-летия со дня смерти Шукина, я ездил на Алтай, в Сростки, чтобы еще раз послушать песни его малой родины. Поездка была насыщенной, в поисках песен объездили почти весь Горный Алтай. Возвращались через Бийск поздней ночью, поэтому в те дни мне не удалось встретиться ни с сестрой Василия Макаровича, Натальей Макаровной, ни с ее сыном Сергеем, работающим в бийской телекомпании, (с ним была предварительная договоренность на телевизионную запись), ни с Буланичевым, редактором журнала «Бийский Вестник». Вернувшись в Елец, я завершил задуманную работу и передал ее в редакции «Роман-журнала» и «Бийского Вестника». Мне хорошо помнились встречи с сестрой Шукина в декабре 2000 года в Москве у близких друзей Василия Макаровича – Рениты Андреевны и Юрия Валентиновича Григорьевых, где под балалайку вспоминали сростинские песни и слушали рассказы Натальи Макаровны о детстве Шукина. Тогда она прочитала мои рассказы и оставила в рукописи очень дорогую для меня рецензию-напутствие в дни нашей первой встречи в Москве в декабре 2000 года:

«Сашенька! От всей души желаю тебе дальнейших литературных творческих успехов. Я рада за тебя, также не менее рада, что у моего брата (В.М. Шукшина) есть продолжатель. С Богом, я читала твои рассказы взахлеб и на одном желании. Желаю тебе, чтобы они (рассказы) увидели свет не только у читателей, а также и у зрителей. С искренним к тебе уважением Нат. Мак. Шукшина (Зиновьева)».

Были наши встречи и на Шукинских чтениях в Сростках в том же, 2000 году, и в 2003 году.

В январе 2005 года, в ожидании публикаций, я послал эти материалы «Шукин и песня» Наталье Макаровне. В марте я получил ответ, в котором она обещала написать воспоминания на эту тему.

«Здравствуйте, Саша и вся твоя красивая семья (ты не исключение)!

Получила от тебя бандероль, до этого мне позвонил Буланичев В.В и сказал, что мне этот материал нужно передать. Я ему с захлебом рассказала о том вечере у Рениты, когда мы (а нас было много) пели песни, и особенно частушки, под твой уникальный (не дай Бог, если он забудется) музыкальный инструмент. Не знаю, как мой пафос Буланичев воспринял, но я отвела душу.

Саша, здоровье мое на нуле, было на минусовой отметке, а когда получила от тебя рукопись с названием «Шукин и песня», во мне, как через редкое сито, струйками, потекли мои воспоминания о песне, у меня слезы на глазах, когда я слышу песню не только старинную, но и песни моих лет. Ты затронул святую тему. От одного названия: «Шукин и песня» я была в восторге, но это значит, ничего не сказать. Через то же сито, теми же струйками окропило мою душу, я как-то воспряла, в квартире как будто небесная радуга, которой я люблюсь. Это правда, Саша. Я как будто песню спела. А ведь какие были песни, им нужно не только поклониться, а пластом лечь.

Саша, я не очень вникла в твой материал, вникла только моя душа, и пишу по-быстрому, чтобы сказать, что я твою рукопись получила, но дай мне чуть времени: я обязательно напишу свое воспоминание о песне. Ты не слышишь? Но ты почувствуешь, как моя душа пропела куплет песни:

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша,
Не болела бы грудь,
Не страдала б душа...

Пой и ты эти строчки, а не читай, как стихотворное четверостишие. Итак, Саша, я тебе обещаю на 100%, хочешь на 200%, что я напишу свои воспоминания о песнях, петых нами, но чуть позже. Вообще надо было бы тебе, как только появилась у тебя такая задумка, написать и мне, мы бы с тобой работали в параллели, я не думаю, что этот твой материал – экспромт, надо было много перелопатить.

Ну вот и все. С самыми лучшими пожеланиями к тебе и к твоей судьбе – Наталья Макаровна. Будьте здоровы.

P.S. Что касается приезда в Елец, это, конечно, отпадает, а вот в Москву очень хочется, я как-то скучаю о Рените, Юре, при встрече с ними передавай им мой привет. До свидания.

Наталья Макаровна сдержала свое обещание, и довольно скоро – 19 апреля я получил обещанные воспоминания.

«Здравствуй, Саша и вся твоя семья.

Извини, что задержала, но меня выбивает из моего седла погода. Отвратительная, то дождь, то снег, то холодрыга. А здоровье-то хреноватое. Потом Лидия Александровна (музей) хотела забрать и отпечатать, но тоже было недосуг, так прошла еще неделя. Саша, у меня только черновик остался, может, ты отпечатаешь и вышлешь мне и в музей (я им передам). Я бы хотела, чтобы ты выпустил книжку, не знаю, с помощью кого, ведь эта тема: «Шукшин и песня» – нетронутая, этот пласт надо поднять.

Как получишь, напиши мне весточку, что получил. Москва, по-прежнему, остается мечтой. Увидишь Рениту, Юру – огромный привет им, привет Лиле, Ворониным, Шукшиной Людмиле.

Все. До свидания.

С уважением к тебе и твоей семье – Наталья Мак. Зиновьева».

Далее следовали сами воспоминания Натальи Макаровны.

«Шукшин и песня.

Чтобы сказать, написать об отношении Василия Шукшина к песне, наверное, надо коснуться истоков – от кого пришла такая любовь к ней. А пришла она от напева наших женщин, наших матерей. Я не берусь утверждать, что наше село самое певучее, но с уверенностью могу сказать: редко у кого в душе не было песни, это несмотря на то, что наши женщины, не обласканные судьбой, несли тяжкий крест. Были годы 1933-1937, когда стонало наше село – уводили из дома, по линии НКВД,

ни в чем не повинных молодых мужчин (нашему отцу было 22 года, когда его расстреляли), ссылали на Колыму поодиночке или даже семьями за «особо тяжкие преступления». Очень хорошо в своей песне отразила то время бывшая учительница сростинской школы (ныне пенсионерка) Н.А. Ядыкина. Я процитирую один куплет:

Ах, Россия, Россия, велика и красива,
Ты врагов побеждала во все времена.
Как могла ты, Россия, вволю дать черным силам –
Надругаться над честью своего мужика.

Не успели наши женщины распрявиться, как снова вражеское мракобесье налетело на нашу страну. И опять призывали отцов и сыновей защищать ту же Россию. И снова на плечи матерей легла вся мужская работа, плюс забота – как, чем накормить детей, чем истопить печь, как выжить, казалось бы, от безысходности. И как отвлечься от бабьей горькой думушки, как сгладить душевное состояние? И на помощь приходила песня. Пели в основном старинные песни не от радости, конечно, ведь песня вплеталась в историю того времени, в которое слагалась. И будь то она авторская или народная, в ней каждое слово выстрадано, она своей душевностью сглаживала видение человека, и какой бы грустной ни была, она брала за душу, рассказывала о людской судьбе, о женской долюшке, о мужике – каторжанине, но были песни и веселые – прибаутки. Я помню, как мы 8-12 летние школьники помогали колхозу убирать плантации хмеля вместе с женщинами. И как они пели! Как будто наперекор своей судьбе: она тебя за горло, а ты ее пинком.

Иногда женщины на великие праздники собирались компанией в 5-6 человек. Нас, ребятишек, брали с собой, хотя место наше было на печке. А они выпьют по стопке свекольного пива, и какое у них было веселье! Причем они знали, кто из них начинает песню, кто подпевает, а кто вытягивает (подголосок). У них не было понятия «первый», «второй» голос, а так – «тонкий», «грубый». В пляске музыкальным инструментом была заслонка от печи, рубель, которым катали с помощью скалки стираное белье. Частушки про Гитлера, про миленка, который воюет, а они весточки ждут, доставалось и соперницам, если кто-то из оставшихся мужиков на одну из них глаз положил; были частушки и с крепким словом, забыв о том, что на печке куча-мала. Этих женщин можно простить, им не грех раскрепостить себя, они же заменяли мужиков, а мужик на деревне без крепкого словца – не мужик.

И нам, тогда еще подросткам, их песни и напевы врезались не только в нашу память, но и бороздой легли на сердце.

Вася, будучи учеником 6-го класса, просил маму найти слова песни «Из-за острова на стрежень» и чтобы она ему напела. Очаровала его эта песня, легла ему на душу вместе со Стенькой Разиным. Всю жизнь вынашивал он этот образ, мечтал экранизировать его, но судьба распорядилась иначе...

В зрелые годы при встрече с тетушками (сестрами мамы) в родном селе он просил их попеть, сам пел так, что казалось, сопереживал тому, что в песне, и, видимо, от душевного всплеска, в глазах у него искорки, порою и слезинки, то ли от слов в песне, то ли от слаженных голосов. Ведь

такие песни, как: «Сронила колечко», «Хаз-булат удалой», «В низенькой светелке», «Отец мой был природный пахарь», «В Барнауле тюрьма большая», «Черный ворон», «В воскресенье мать, старушка», «Сижу за решеткой», «Скакал казак через долину», «По диким степям Забайкалья», «То не ветер ветку клонит» и другие, не могли не разбередить душу. А у меня была песня (кроме старинных), которой я отдавала предпочтение потому, что в свои молодые годы жила в деревне и, может, видела созвучие в моем положении. Я Васе сказала: «Давай я тебе новую песню спою». «Ну, ну», – был ответ. Я начинала петь (мой голос для хора), а он ходил по комнате, руки в карманах. И так:

На горе колхоз, под горой совхоз,
А мне миленький задавал вопрос.
Задавал вопрос – сам смотрел в глаза,
Ты колхозница, тебя любить нельзя!

На последней строчке он взрывался: «Почему колхозницу любить нельзя? Вот же дурак (я крепкое словцо опускаю), что же он варезжку раскрыл – интеллигент городской, он же ее ломаного гроша не стоит, а туда же – нельзя», – возмущался он. Я уж была согласна закончить петь, потому что, чувствую, его анализ будет продолжаться, но он просит петь дальше. И я пою:

Я колхозница, не отпираюся,
Но тебя любить не собираюся.

Вася веселел.

Я пойду туда, где высока рожь,
Полюблю того, кто на меня похож.

Он рукой со сжатым кулаком встряхнул воздух и сказал: «Ах, какая она молодец, ведь это удар в самое больное место мужика, и чтоб летел он и не курлыкал».

– Ой, – говорю, – Вася, курлыкать вы все умеете, когда летите и не летите. В итоге песня ему не понравилась.

В один из приездов на родину он купил пластинку в исполнении Ф. Шаляпина «Жили двенадцать разбойников» и проигрыватель «Каравелла». При входе в дом его надо было видеть... Усадил нас на ступеньки, просил вслушаться и вдуматься в слова песни, сам испытующе смотрел на нашу реакцию. Но реакции-то особой не было, особенно у мамы; для нее «Сронила колечко» ближе и роднее. И так по нескольку раз в день он слушал эту песню, казалось, не только жили двенадцать разбойников, а они уже поселились в нашем доме.

В своих фильмах и рассказах он не мог обойти песню. В фильме «Печки-лавочки» были приглашены для исполнения песен сrostинские женщины-пенсионерки и не только. Так они рассказывают: «Мы начинаем петь, а он уходит на берег. На пляску с частушками он мог смотреть, а песни слушать не мог». Он писал: «Здесь на каждой улице своя Мордасова. Тут есть такие бабки, что как запоют, так сердце сжимается». Позже он нам, молодым, привез современные (по тем временам) песни «Виновата ли я», «Миленький ты мой», а с тетушками по-прежнему пел старинные песни.

Сростки (наша малая родина) любят песню. Есть свои хоровые, вокальные коллективы, детский ансамбль «Шукшинята», которые радуют душу. А накануне Шукшинских чтений ежегодно проходит фольклорный фестиваль «В гостях у Шукшина». Приезжают хоровые коллективы из сел и городов, из близкого и издалека. Тогда над Сростками символ святости, духовное и душевное единение парит над ними. И просто пересказать увиденное и услышанное, когда песня объединяет людей, голоса и подголоски которых уносятся волнами разбуженной Катунь – невозможно, это надо чувствовать, ведь достаточно тронуть одну душевную струну, чтобы твое сердце запело.

Стоит поклониться песне, как кланялся ей в свое время Василий Шукшин, который любил песню, возводил ее в ранг величия и говорил (может, несколько преувеличенно) «Нигде так не поют, как у нас в Сростках».

Шукшина нет, но песня в его родном селе – живет.

Наталья Макаровна Зиновьева-Шукшина».

На просьбу Натальи Макаровны переслать ей в напечатанном виде ее воспоминания я ответил сразу, отправив кроме них и несколько рассказов.

Отправив, позвонил ей. Голос у нее был усталый, тихий. Но она не только жаловалась на неважное самочувствие, но и снова настаивала, чтобы исследование «Шукшин и песня» было скорее опубликовано, а лучше – вышло отдельной книгой. И пообещала, как только чуть поправится – написать несколько слов-напутствий к этой работе. В эти же дни от Буланичева пришло письмо о том, что в ближайшем номере «Вестника» эта работа будет опубликована. 6 июля в редакции «Роман-журнала XXI век» мне вручили сигнальный номер, шукшинский, и в нем «Шукшин и песня». Тысяча экземпляров журнала ждала отправки на Алтай, на праздничные шукшинские дни 22-24 июля. И тема чтений и традиционного «круглого стола» в присланном приглашении значилась «Шукшин и песня»... А ранним утром 10 июля мне позвонили из Сростинского музея, и тихий, скорбный голос сообщил, что ночью умерла Наталья Макаровна...

Не верится... Трудно поверить в то, что нет теперь светлого, очень доброго человека, так похожего на свою Мать. Мать Василия Макаровича Шукшина, Марию Сергеевну. Всего несколько встреч с нею, а стали – словно родные. И все они помнятся. С самой первой встречи в Сростинском музее в июле 2000 г. Сидели в кабинете директора, Л.А. Чудновой, пили чай, и – вошла она. «А вот из Ельца...» – сказала Лидия Александровна. Наталья Макаровна улыбнулась, и мы расцеловались как близкая родня. Она всегда улыбалась, улыбалась и тогда, а самой тяжело было наступать на ногу – хромала, проколола ногу, да и приехала она не только на шукшинские праздники, но и по печальному поводу: накануне в Сростках схоронила тетю, Веру Сергеевну, родную сестру матери.

После возвращения с Алтая я написал первый «алтайский» рассказ «Поздняя весна», в котором невольно в детях военной поры видел Василия Макаровича и Наталью Макаровну, и историю с шукшинской гармонью.

Несколько месяцев спустя я был в Москве. Как всегда, жил у Григорьевых, друзей В.М. Шукишина, у которых он жил какое-то время в начале 60-х годов. Оказалось, что у них уже с неделю жила Наталья Макаровна. 3 декабря 2000 года, за день до ее отъезда, я вернулся из редакции «Роман – Журнала», а она – с вокзала (покупала билет на Алтай). У Григорьевых (редчайший случай) никого не было дома, и мы ждали их прихода во дворе. Я смахнул снег со скамейки, пригласил Наталью Макаровну присесть. Она поблагодарила, постояла, потом присела. Сначала сидела, думала о чем-то своем, видно, уже в мыслях была там, на Алтае. Разговорились... Я спросил у нее, зная из биографической литературы, что Шукин играл на гармошке:

– А Василий Макарыч хорошо играл?

– Нет... Так только, немножко... почти не играл...

А то, что гармонь продали, она подтвердила:

– Он уже в Бийске учился, нам тяжело жилось, мама его спросила – можно гармошку продать? Продавайте, говорит...

Рассказ был написан раньше, но Наталья Макаровна только уточнила мои представления по теме «Шукин-гармошка». Двор и дом в рассказе сrostинский – тети Раи и дяди Гриши Требух, у которых я жил почти неделю. Ситуация – шукинская, близкая по настроению его рассказу «Осенью». А характеры наши, елецкие. Ребятишки – Василий Макарович и Наталья Макаровна в детстве.

Кухня у Григорьевых – разговор особый. В ней даже табуретка – память о Шукине: он купил их на ярмарке две – яркие такие, красные, трехногие. Одну из них Григорьевы подарили Валентину Распутину. И не было случая, чтобы за чаем не вспомнили какой-нибудь случай из жизни Шукина. С января по апрель, почти всю зиму 1963 года, они вместе с Василием Макаровичем объездили Сибирь, жили в Сrostках. После той поездки был сценарий «Живет такой парень», и сам фильм, в котором он в эпизодах снял Григорьевых. А в эту зиму, спустя почти сорок лет, сидим с Натальей Макаровой. Чай, разговоры, а Наталья Макаровна, как всегда беспокоится, тихо спрашивает:

– Ренита, а песни мы когда петь будем?

– О-о, Наташа, сейчас будет тебе наконец-то и песня! – кивает, улыбаясь мне, и зовет мужа: – Юра, а принеси балалаечку...

Юрий Валентинович приносит балалайку, и весь вечер у Натальи Макаровны глаза просто светятся счастьем. «Боже мой, – думаю, – вот же они, сибирские, сrostинские интонации, переданные уже в слове Шукина, а теперь слышимые въявь». Голос у Натальи Макаровны мягкий, негромкий, чуть глуховатый, как и у Василия Макаровича... «Миленький ты мой», «В воскресенье мать-старушка», «В низенькой светелке»... – все песни знакомые, теплые, родные. И сколько ни сиди, ни пой, а все мало, тем более у Натальи Макаровны – поезд. Глаза грустные, вздыхает:

– Че ж так мало-то времени!.. Как жалко-то. Нет, ты давай приезжай в Сrostки. Давай-давай, прямо нынешним летом и приезжай...

Удивительно простым и каким-то своим человеком была Наталья Макаровна. А еще – доверчивым. Вспоминаю последнюю нашу встречу на Пикете, в июле 2003 года. Пока прошлись по Сrostкам, не спеша,

оглядываясь на село, поднимались на гору, народу собралось – едва взглядом охватишь. Провел, усадил своих – жену и дочь – на траву перед сценой, а тут и меня поторопили на сцену, где с двух сторон – не президиумом, а просто на лавках – уже сидели приглашенные. Наталья Макаровна не в первых рядах, а чуть позади, и место рядом свободное; улыбается, зовет. Сажусь рядом. Едва успели перемолвиться, меня вызвали. Вышел, выступил, снова вернулся к ней. Сидим. Хорошо – не на виду, можно негромко поговорить, не мешая выступить Золотухину и Дурову. Наталья Макаровна, чуть нагнувшись к моему уху, говорит, будто продолжая начатую беседу. Серьезно, чуть озабоченно:

– Саи, вот ты мне объясни... У меня дома иконки висят: Богородица, Никола, Серафим Саровский, а в книжном шкафу еще стоят Пантелеймон, Спаситель... и еще другие. И вот приходит ко мне соседка. Посмотрела и говорит: «Зачем тебе столько икон? И зачем нужно всем молиться, каждому, если Господь один? Ты их лучше убери». А я, ты знаешь, не нашлась, что ей и ответить. Растерялась. А у самой душа не на месте. Ты как думаешь – права она?

А для меня – то ли оттого, что уже выступил, то ли оттого, что небо высокое и погода прекрасная и Наталья Макаровна рядом, – тоже как-то все ясно и просто, и я весело и с убеждением ей отвечаю:

– Наталья Макаровна. Вы не переживайте – она, конечно, не права. Ведь святых много, и каждый прославился каким-то своим подвигом. Пантелеймон, к примеру, – целитель, ему сила дана людей исцелять, Никола – всем путешественникам помогает, морякам. И так – каждый. Они у Бога как министры, и каждый по своим вопросам. Им молятся каждый по своим вопросам, а они уже просьбы эти, молитвы, до Господа доносят. Я, конечно, шутя, говорю, но, по сути, правильно. Вам понятно? Наталья Макаровна задумалась, кивнула. А мне еще одна мысль пришла, и я спросил:

– Наталья Макаровна, а ведь она вас искушала, сомнения в вашу душу заронила такими вопросами. А вы у нее спросили – она какой веры? Верующая ли она?

Наталья Макаровна подняла на меня глаза:

– А ведь она, и правда, неверующая. Вернее, в какую-то секту, кажется, ходит.

Я ждал ее выступления, но в тот раз она выступать не стала. После того, как праздник на Пикете закончился общим пением «Калины красной», мы спустились со сцены и встретились с моими.

– Наталья Макаровна! А это моя жена и дочь, – представил я их, и они обнялись. – Ну что, Наталья Макаровна, нам велено от москвичей вас в обязательном порядке посадить в машину и увезти с собой.

Она улыбнулась:

– Ой, да я бы с удовольствием, но... Я-то о чем мечтаю: пусть-ка они сюда приезжают, мы тут ляжем на горе на травку, и будем лежать и разговаривать. Прямо уже и не верится, что соберемся как-нибудь. Так что передавай им. Пусть приедут.

– Ну, давайте тогда привет им с Пикета передадим. Сфотографируемся.

– Давайте.

Мы попросили кого-то из стоявших возле трибуны «щелкнуть» нас. Радостно было и оттого, что мы на Пикете, и оттого, что светило солнце, а главное, что были мы вместе. 27 июля 2003 года. В последний раз. Такой она и осталась для нас – доброй, светлой, родной.

10–22 июля 2005 г., Елец-Москва

* * *

Образ сестры Шукшина Натальи Макаровны, его матери – Марии Сергеевны, а также образы многочисленных героинь его рассказов заставили задуматься над отношением самого Василия Макаровича к женщинам, населяющим мир его произведений. Так родился набросок небольшой статьи.

ШУКШИН. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГЕРОЕВ ШУКШИНСКИХ РАССКАЗОВ.

Есть в творчестве Шукшина устойчивое взаимоотношение героев, почти всегда конфликтное – между мужчиной и женщиной. Оно прослеживается у него во всех возрастах героев – от детского «Из детских лет Ивана Попова» – между Ванькой и его сестрой. Ванька пренебрежителен по отношению к ней, но это пренебрежение – лишь показное, на самом деле он любит её. Она пряма и бескомпромиссна в своей детской простоте, и конфликт с ней возникает из-за этого: Ваньке хочется быть самостоятельным, взрослым и независимым, а сестра «мешает» ему, прямо, по-детски говорящая и с Ванькой, и с мамой. Взаимоотношение между молодыми людьми из рассказа «Хахаль» о «походе» в общежитие – такое разное у двух героев-парней, зашедших в «гости» в женское общежитие. Герой – женатый деревенский парень, зашедший за компанию с дружкой «отвлечься» в общежитие, глядя на девушку, размышляет, не впадая в свойственную современным рассказчикам, пытающимся сводить все взаимоотношения в такой ситуации к банальному и кажущемуся на их примитивный взгляд, единственному животному чувству. В герое, воспитанном в деревне, – обычное человеческое чувство (запретность) и крестьянский взгляд на женщину. Родись он в городе, воспитанным современными СМИ, он наверняка поступил бы иначе...

Еще мысль (найти), когда герой сообщает в острый момент: А вы не знаете, почему мы любим одних, а женимся на других?

Свадьба – всегда перелом. Без исключения.

Есть что-то от мудрых русских сказок, когда весь сюжет построен на одной цели – завоевать (освободить) девушку, для чего герой преодолевает три моря, добирается до тридевятого царства, тридесятого государства, горы и леса, побеждает разную непобедимую нечисть, выполняет невыполнимые задачи лишь ради одной-единственной цели – освободить красавицу. И – кульминация – освобождение заканчивается честным великим свадебным пиром, когда у рассказчика по усам текло, а в рот не попадало. Отчего сказка не ведет нас дальше в семейную жизнь счастливых молодоженов, а оставляет героев на пике счастья. Не оттого

ли, что свадьба является границей, рубежом между героической молодостью и обыденными зрелостью и старостью?

Рутина совместной жизни, конфликты совершенно не интересуют жанр сказки и возвращаются к героям, достигших зрелого возраста, и лишь используя их как повод сопутствующих героев сказки, которыми являются новое поколение героев – новых главных героев, их детей и внуков. «Жили мужик да баба, и было у них три сына...» Вот речь и идет всегда об этих сыновьях – таких разных, как это и бывает в обычной жизни. И старики, и взрослые муж и жена чаще всего оказываются за кадром изображения сказки, присутствуя лишь вначале, как источник молодой, новой, действенной жизни, и в конце встречающих молодых хлебом-солью.

Видимо, ничего «сказочного» в жизни супругов нет. «Сказка – ложь, да в ней намек», и ничего не изменить и в реальной жизни. Об этом же пишет Шукшин. У него, за редким исключением, жены сварливы, не понимают мужей. Редко бывают исключения – рассказ «Сапожки». Но такова, видно, статистика всей жизни вообще, и изображение позитива-негатива в отношениях между мужем и женой у Шукшина пропорционально тем, что в реальной жизни – это еще одно подтверждение Шукшинского реализма.

Исключение у Шукшина – «женщина–мать». Если «женщина-жена» почти всегда носит негативный характер, то портрет «женщина-мать» всегда написан теплыми красками. «В воскресенье мать – старушка» и другие. Без мужа, да еще и с возрастом, женщина становится у Шукшина иной. Она не создает конфликтные ситуации, а – наоборот – пытается их разрешить и уже воздействует не «воспитательно», а помогая. К детям отношение шукшинских героинь теплее, чем к мужу. Муж – равный, сильный, дети – слабые, незащитные: такова, видимо, психология подавляющего большинства женщин, таковы и героини у Шукшина.

Так где и как происходит перелом во взаимоотношении муж – жена? Та самая «сказочная» свадьба. До нее и после нее... Удивительно, что герои словно видят друг друга разными глазами до свадьбы и после нее.

Такую редкую возможность проследить этот перелом Шукшин дает в рассказе «Думы» о парне – гармонисте. Объективность Шукшина всегда заключается и выявляется читателем в отношении к героям. Никого Шукшин не показывает ни «хорошим», ни «плохим», описывая их такими, какие они есть. Сам читатель решает...

Поначалу в рассказе Шукшин заставляет переживать за председателя колхоза, которому гармонист не дает спать по ночам, и он вместе с ним негодует, сердится на этого бестолкового гармониста и согласен с ним, отчитывающим того...

Но вот что-то меняется в рассказе – стихает гармонь добившегося своей девушки гармониста. словно закончилась сказка и председателя (мужа!) волнует теперь не та бессонница от игры гармонии, а ее молчание. И он выясняет. И видит, как переменились молодые, и невеста в считанные дни уже становится бабой. И то, что председателю было незаметным в своей собственной судьбе, становится очевидным на примере молодых. И не зря, кажется, Шукшин дает герою должность руководителя – председателя колхоза: вместе с уважением к нему, которое

постепенно складывается у читателя, да и у колхозников, дает ему право сказать в конце важные слова молодухе – и слова эти, пережитые и высказанные уважаемым во всех отношениях человеком, кажутся такими весомыми и точными.

А вот и старики из рассказа «Одни». Действительно, к концу жизни они одни. Это понятие – «одни» указывает напрямую на отсутствие в повседневной, бытовой жизни, уехавших детей. Тех самых, к которым у старухи совсем другое отношение, чем к мужу. А балалайка – лишь повод обостренно понять все разногласия, разные интересы двух стариков, сжившихся за многие годы, но так и не изменившихся, не сроднившихся.

«Жена мужа в Париж провожала» – это история о невозможности семейной жизни из-за невосприятия женой внутреннего мира мужа. Конфликт (снова!) деревни (муж) и города (жена). Но уровень города представлен весьма недалекой женой.

Где источник семейного конфликта в рассказах Шукшина? Кто из супругов является источником этого конфликта? Чаще всего Шукшин оказывается на стороне мужчины, в поведении женщин показывая желание взять верх, а несогласие с этим со стороны мужа, противящегося этим ограничениям, и составляет основной конфликт между ними. Не пьянство, не измена со стороны супруга – основной арсенал, считающийся сегодня причинами семейных разводов, а поведение жён, подминающих волю мужей – то, что показывает Шукшин в рассказах, и это главная тема его рассказов. А раз не пьянство, не измены, то Шукшин явно симпатизирует своим героям – мужьям.

«Идеальная пара» – есть ли у Шукшина такая семья? Поиск своих «половинок» – «Страдания молодого Ваганова»... Само название явно от гётевского Вертера и носит ироничный характер. Некоторых героев так и не свяжут семейные узы, как в рассказе «Осенью», и это неслучившееся как раз идеализируется и остается светлым, как светел образ Марии, девушки-невесты для добивающегося ее, влюбленного в нее жениха Филиппа. Но та же самая героиня прожила с мужем Павлом всю жизнь. Шукшин неожиданно сталкивает их, соперников – состоявшегося и несостоявшегося мужей, и словно бы через их перебранку, почти драку у гроба словами «старые дураки» показывает, что случись им всё же пожениться с Марией – и они были бы так же несчастливы в жизни, безразличны друг к другу. Этой дракой он равняет соперников – и прожившего жизнь с Марией, и мечтавшего о ней. Идеал, любовь – уходят, неизбежно уйдут – предупреждает Шукшин. Остаётся самое тяжелое – будни. Вот в них-то, в этих серых буднях, вдруг мелькнёт в человеке жалость, любовь, и тогда он готов на жертву, пусть небольшую, на насмешки – лишь бы увидеть счастье спутницы жизни (рассказ «Сапожки»). Пусть подарок оказался не в пору – важен не подарок, дорого внимание, как говорит мудрая пословица.

* * *

До конца ее дней мы переписывались с Натальей Макаровой, и когда я послал ей мои исследования «Шукшин и песня»:

Статья эта, да, собственно, и не статья, а статистический материал, перемежаемый размышлениями на тему «Шукишин и песня», уже давно был собран и использовался для личного «общего» развития, а иногда и просто повода сказать при случае: «А помните, есть у Шукишина в таком-то рассказе песня? Споем?» Но в этот, дважды юбилейный для Шукишина год, оказалось, что материал этот имеет не только «прикладное» значение. Выступая с песнями, рассказывая об их роли в творчестве Шукишина, я понял, что это интересует многих. Но было что-то, что мешало видеть этот материал напечатанным – не столько громоздкость формы и излишняя статистичность (а он таким и остался из-за необходимости делать ссылки и пояснения). Чувствовал, что уподобляюсь астроному-теоретику, открывшему на бумаге и вычислившему траекторию движения невидимого никому небесного тела. Нужна была внутренняя убежденность, получить которую можно только из первоисточника. В прямом и переносном смысле. Нужны были Катунь, Сростки, Алтай. Нужно было услышать песни именно там, на родине Шукишина, вслушаться в их слова, интонации и манеры их исполнения, которые с другими не спутаешь.

С надеждой и тревогой в сердце ехал я на Алтай в канун юбилейного, тридцатого дня памяти Шукишина, в конце сентября 2004 года. Помнятся ли, поются ли эти песни на его малой родине? С легким сердцем возвращался обратно: не с музейных архивных кассет услышал я их, а с живого голоса да за столом...

Сентябрь в Сростках – на зависть августу. Утра над Катунью свежие, подернутые голубой дымкой. Дни ясные, какие-то по-вдовьи нескромно-радостные для этой поры. А вечера – тихие и томные, как наработавшиеся мужики после бани. Сидим в кухنيшке на берегу Катунни, у тети Раи. Они с сестрой Зоей – песельницы. Помнят Шукишина, снимались и пели в фильме «Праздники детства», поставленном Р. и Ю. Григорьевыми по рассказам Шукишина.

Откладываю очередной листок:

– Теть Рая, а вот эту, она в «Любавиных»...

– А-а, эту, – и тетя Рая затягивает:

Отворите окно, отворите,

Мне недолго осталось жить...

Её сестра Зоя Ивановна закрывает глаза, подтягивает:

Еще раз на свободу пустите,

Не мешайте страдать и любить.

Сбросьте цепи мои поскорее,

Выносите на свет, на простор,

Где поют перелетные птицы,

Где шумит зеленеющий бор...

Любавины. Не их ли потомки – вон те мужик и баба, что сгребают и жгут ботву на соседнем огороде? Из приоткрытой двери бани тянет курной избой, за потемневшими огородами, заваленными громадными тыквами и буртами картошки – неправдоподобно изумрудная Катунь. Из переднего угла летней кухни, где мы просиживаем вечера и ночи, из-за наброшенной на рамку кисти калины на нас смотрит портрет Шукишина; внимательно, словно вслушиваясь – так ли поем?

Голоса певуний с возрастом потускнели, но поют-то как!.. Господи, все как в последний раз! «Не мешайте страдать и любить!» Как это поется – на бумаге никакими восклицательными знаками не обозначишь, да, кажется, и нет таких знаков препинания, что могут передать их чувства. Дopeвают с закрытыми глазами, чтобы видеть не стены кухни, а простор, где птицы поют над зеленым бором. Они – там, в песне.

Дopeвается песня – не тихо дотлеивает, а будто плеснут в огонь ведро воды, шумно, с паром. После нее сидишь молча, будто ждешь когда пар этот разойдется. И так после каждой песни. Хорошо, и эта помнится. Берусь за листки.

– А вот эта... У Шукишина она...

– Погоди, – хриплым голосом говорит тетя Зоя. – Че-то горло прямо перехватило, надо чуть промочить.

– А вы ее точно знаете?

– Да знаем, а как же. Сейчас по стопочке – и споем... Ну, давай...

Отец мой был природный паха-арь,

А я-я работал вме-есте с ни-им...

Певунии снова прикрывают глаза, покачиваясь, поют. А у меня глаза словно раскрываются. Вся песня – здесь, на берегах Катуня, да и все, о чем в ней поется, – судьба самого Шукишина. Отчего ей не быть любимой, наиболее часто повторяющейся в его рассказах и фильмах; она же прямо вся, целиком прошла по его жизни, по самому его сердцу. Отец – природный пахарь, отца забрали, с сестрой в лодочку садились, взойду я на гору крутую, село родное, горит вся родина моя. И это уже не просто слова, это живая иллюстрация – в них судьбы Шукишина и его сестры, и его Сростки, и Пикет, и вон та лодка на берегу Катуня... Горит родина... Гори-и-ит село родное... А всего-то два десятка строк...

Успокой свое сердце и возрадуйся: знают они все выписанные тобой песни, конечно же, знают – какую ни назови! И даже мно-о-ого больше. Это для меня они – песни шукишинские. Для них они – песни их родины. Все они из тех, что слышал в детстве Василий Макарович, что питали его душу. Слава Богу, и у меня тоже есть заветные песни моей малой родины, да и общие со сростинскими не редки.

Радостно, но еще и удивительно: были петь теми вечерами песни из редких, прежде не слышанных, но отчего-то кажущиеся знакомыми. Оказалось, песни эти – варианты донских песен и из шолоховского «Тихого Дона»! Так в эти памятные дни, спустя тридцать лет снова сошлись для меня две реки, Катунь и Дон, и два великих имени – Шукин и Шолохов.

И еще, что осозналось не сразу, оттого, что в Сростках было шумно, шепотно и взволнованно: дома, прослушав записи сростинских песен, я словно перечитал всего Шукишина.

Она, эта тема о песнях, ее очень волновала. Наверное, тронули ее мои строки о местах ее детства и юности. Потому, хоть и чувствовала уже тогда себя плохо, прислала мне свои воспоминания на эту тему.

Долгое общение с друзьями Шукшина, бесконечное перечитывание его рассказов и повестей позволило мне и поразмышлять на тему «Шукшин и православие», которая стала темой очередных Шукшинских чтений в Барнауле, для которой я написал небольшой доклад на эту тему.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Очень трудно, говоря о Шукшине (в рамках заявленной темы конференции), «в лоб» оперировать хрестоматийными понятиями Вера, Церковь. Не рискуем ли мы быть объективно непонятыми как со стороны самой Церкви, так и ее противников? Церковью за то, что он не был прилюдно воцерковленным человеком, строго следующим канонам церковных служб и постов... А неверующие наверняка скажут: «Вот еще из одного делают святого! Почитайте-ка лучше его рассказ «Верую» про неверующего попа!» Чтобы не вдаваться в спор между этими двумя сторонами, лучше обратиться к самому писателю, актеру и режиссеру, находя в его творчестве и биографии страницы, кадры и факты по затронутой нами теме.

Кажется, у большинства русских людей глубоко в душе лежит и в то же время просто с языка срывается: «Он свой, он наш!» Это и так ясно. И мне ясно, и всякому-любому, кто с радостью берет любой том Шукшина или смотрит любой фильм с его участием или им поставленный. Это – так душа скажет. Сходу. Но вот «по уму»... Тут уж, поверьте, простая бабушка скорее объяснит и проще. Сходу – нет, потому что, трудно поддаваясь рациональному, умственному объяснению, – в чем заключается православие в творчестве В. Шукшина, – сердцем мы сразу принимаем и недоуменно восклицаем, глядя на непобедимого скептика: «Да как же иначе?! Да он же... да вы что?!» А скептик, все так же прищурив глаза, с ухмылкой будет глядеть на нас: «Ну-ну... и где же у него Бог, у коммуниста? Что он, в церковь ходил?»

Так с чего же начнем, братцы? С чего? – а от печки и начнем, с тех самых печек и лавочек. Что-то же и у нас есть универсальное: и для ума, и для сердца? Есть, слава Богу, уместившее иррациональное в рациональном – Далев словарь. «Крестьянин (по Владимиру Далю) – Крещеный человек, мужик, землепашец, земледелец». Говоря о Шукшине, мы не раз еще вспомним все эти далевские определения. Вспомним и по «Калине красной». И по сценарию, и по фильму. Вспомним, потому как, несмотря на всю разницу положения вора-рецидивиста Егора Прокудина и самого Шукшина, в герое внутренне очень много личного от Шукшина-писателя и еще больше от режиссера и актера:

«Егор все шел. Увязал сапогами в мягкой земле и шел.

– У него даже походка-то какая стала!.. – с восхищением сказал Губошлеп. – Трудовая.

– Пролетариат, – промолвил глуповатый Бульдя.

– Крестьянин, какой пролетариат...»

(Так в киноповести. Только, помнится мне, замечу в скобках, что в фильме сказано про походку «мужицкая», и что эти уточнения Шукшина-режиссера перед Шукшиным-писателем только еще раз объемно,

по-далевски, раскроет единую, неразрывную связь понятий слов крестьянин-христианин-мужик-землепашец).

Для скептиков о теме «Шукшин и православие...» можно говорить и формально, анкетно: верил-не верил, ходил в храм или нет?.. Можно. Если так, то – был крещен. Вероисповедания православного (а какое же может быть еще у русского крестьянина?) Когда в 1956 году родились племянники, дети Натальи Макаровны, Надя и Сережа Зиновьевы, он был им крестным. Крестил их в Бийской православной церкви втайне от их отца, Александра Зиновьева, которого очень любил. Потому, верно, и берег его, боялся навредить по службе.

К вопросу о вере. В 1961 году после смерти Александра он написал своей сестре Наталье такие слова: «..я не верю ни во что – и верю во все. Верю в народ... Я хочу, чтобы меня похоронили... по-русски, с отпеванием, с причитаниями...» Да, в этом «..я не верю ни во что – и верю во все» слышно язычество, и это для любого русского, тем более деревенского мальчишки, неосознанно-естественно. Жизнь крестьянского мальчика в Сростках – это Катунь, согра, костры на островах, ночное. Это и есть то язычество, которое каждый во младенчестве проходит, как прошло его во младенчестве человеческое общество. Но еще тогда, заглядывая в неизвестный конец жизни, он уже осознанно желает, «чтобы меня похоронили... по-русски, с отпеванием, с причитаниями...» Конечно, кому-то вспомнится есенинское:

И за все те грехи мои тяжкие
И неверие в Благодать,
Положите меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Нет в этом никакой натяжки. Да, Шукшин любил Есенина. И неслучайно в рассказе с самым, пожалуй, актуальным для нашей темы названием «Верую!» (1970) поп (именно «попом» назовет всякий, полусуждая, но больше любя этого героя) с больной душой плачет от есенинской песни. Да при этом произносит слова, которые не всякий в быту скажет, постесняется. Для этого душу надо иметь чистую и широкую, да не бояться покаяния, ибо рядом сидит такой же человек с больной душой: «Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю». За что же скептик осудит этого попа? За широту русской души, которую по выражению Достоевского «можно немного сузить»? Нет, пожалуй, не сужается она до объема вмещаемого в стакан. Нет! говорит своим рассказом Шукшин, мы такие: и попы, и приходящие к ним по-простому, смутно тоскующие мужики. Мы – русские, нам верить – так во все сразу, что есть в жизни, во все на свете.

Вопрос обращения к вере человека, раньше не проявлявшего к религии никакого интереса, – в рассказе 1972 года «Гена Пройдисвет». Интересно, что сначала Шукшин назвал его «Антихрист 666». В нем напрямую ставятся вопросы веры и неверия. Конфликт между Геной, бросившим институт и из-за беспокойного, неуживчивого характера, нигде надолго не задержавшегося, и его дядей Гришей, «новообращенцем», возникает из простого желания Гены уличить дядю, расколоть его. Жизнь дядя понимает просто: «вся жизнь свыше записывается на пленку, как в кино, а после смерти прокручивается». Из его уст звучит

главная, пожалуй, мысль рассказа: зачем искать подтверждений чуду – они просто на огороде, где все растет из земли. Разве это не чудо? И человек тоже – из нее вышел, в нее и уйдет. Неизбежная при непонимании Гены драка до крови с дядей Гришей, как борьба веры с не столько воинственным, сколько невежественным неверием примиряется самой жизнью: Нюра, крупная, здоровая и очень добрая дочь дяди Гриши, по-родственному разнимает, разводит их по углам, умывает и ставит на стол мировую бутылку, а сама идет доить корову. Грустная народная песня остужает спорщиков, и Гена задумчиво смотрит, наблюдая за еще одним обыденным чудом: корова дает молоко. Он, совсем успокоившись, отказывается от водки и решает: «Лучше я стихи напишу. Про корову».

Еще к вопросу о вере, – высказанное Шукшиным и документально засвидетельствованное в письмах 1969 года к Василию Белову, касающихся темы очень болезненной для русского человека вообще, а творческого в особенности. Тема серьезная, потому нет в словах Шукшина никакого ироничного оттенка, наоборот, упомянут единственный надежный способ, дающий возможность преодолеть напасть: «А пить бросил. Побожился. Не надо...», и еще «Давай, как встретимся, поклянемся на иконе из твоего дома: я брошу курить, а ты пить». Крепче, видимо, силы, как от отчей иконы, не нашлось. И это у писателя, у которого такой словарный запас! А слова нашлись лишь эти, единственно убедительные.

А можно говорить не о внешней стороне, когда имя Божие упоминается, а о том едином мире, внутреннем Шукшина – человека, и том, что создавался Шукшиным-писателем, мире, в котором Имя Его подразумевается нравственным состоянием самого автора и его героев.

Творчество писателя корнями в его истоках. Шукшинские истоки – чернозем Алтая. Сам Алтай – природный храм, в котором Вася Шукшин жил среди преданий, среди людей и тех простых бабок, что сохранили и традиции, и веру. Крестьянская, деревенская проза – из истоков народной культуры, которая по сути своей культура православная.

Интересно, что вся русская классическая литература в большей степени литература деревенская. Бунин начинался, как в последнее время сказали бы «писатель-деревенщик», со стихотворения «Деревенский нищий» и весь состоит, кажется, из ощущений деревенской усадебной жизни, пахнувшей «Антоновскими яблоками», прелыми листьями, сырым сизым черноземом, пронизан сквозящими лучами низкого вечернего солнца в саду. Все это и в его «Деревне», в «Митиной любви», «Жизни Арсеньева», и пребывание героев вне размеренной сельской жизни, скорее исключение. Деревенской усадебной жизнью живут герои Льва Толстого, Гончарова, Гоголя, Лескова, Чехова, Некрасова, Фета, Никитина, Кольцова. Вне почвы никогда не родились бы глубоко народные страницы пушкинского «Онегина», тургеневских «Бежина луга», «Записок охотника». Почвенность всей русской классической литературы, осознание чувства связи с родной русской землей несомненны, как несомненна православная ее основа, полученная классиками не столько из уроков Закона Божия, сколько из нравственно чистых устоев народной русской жизни. Как

исключительно народны десятки тысяч пословиц, собранных Владимиром Далем, но сложенных простым Народом, создавшим и сохранившим сам русский язык.

«И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома... Лежал, прикинув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему слышное». О чем же рассказывает «Калина красная»?

Есть вечно новая Евангельская притча о возвращении блудного сына в родительский дом. Она проходит через всю русскую литературу. Это не хеппи-энд, счастливый конец на западный манер, когда герой через горы трупов становится счастливым, это – духовное восхождение к вершинам нравственности заблудшего сына, часто опустившегося до крайней точки и понявшего, что единственное его спасение в возвращении к корням, к отчему дому. Древняя как мир и вечно новая тема, переживаемая каждым в жизни.

Шукшин до буквы, до запятой в своем творчестве, и как писатель, и как режиссер, и актер, неразрывно связан с темой крестьянина, простого человека от земли. Истоки нравственности, отразившиеся в его творчестве – в материнской любви простой крестьянской женщины. Так же глубока и его любовь к матери, своей родне.

Мать Василия Макаровича, Мария Сергеевна, так учила своих детей: «Не надо смеяться над человеком, а вот самого униженного, падающего, вот ему-то и надо помочь, поднять на ноги, чтобы он встал». И в этом ее крестьянском-нравственном природно проявилось то, о чем говорил Толстой: «Ненавидь дурное в человеке, а человека люби». Эти нравственные христианские традиции, просто высказанные в материнском завете, проявились почти с первых строк шукшинской прозы и звучат все отчетливее во всем творчестве писателя. Полюбить героя, самого, казалось бы, несимпатичного для читателя, дать ему проявить себя даже в самых преступных поступках и не отнимать у него искры человеческого – в этом сила шукшинского, по-христиански милостивого творчества.

Казалось бы – чего проще писать «плохих» героев черной краской, а хороших – в радужных тонах. Примеров «плохих», «отрицательных» героев у Шукшина множество, но следуя заветам – материнскому «человека люби», и христовому – «да любите друг друга», он и в них ищет «искру божью». Возьмем для примера крайне негативных шукшинских героев. Женщина-вахтер из документального рассказа «Кляуза», героем которого был сам Шукшин и который писался, как признается Василий Макарович, «со зла». Но даже в крайней степени озлобления, когда человек обычно пускается во все тяжкие, говоря о своих обидчиках, пытаюсь найти в них самое плохое, – даже в этом случае в нем говорит человек: «Вообще, удивительно, что я забыл ее лицо, – я думал: буду помнить его долго-долго, всю жизнь. И вот – забыл. Забыл даже: есть на этом лице бородавка или нету. Кажется, есть, но, может быть, и нету, может быть, это мне со зла кажется, что есть». А в конце рассказа он прямо ищет оправдание ее наглости и хамству: «Может, у ней драма какая была в жизни,.. она обиделась на веки вечные...»

Интересны герои рассказа «Охота жить». Случай сталкивает в таежной избушке старика Никитича с беглым заключенным. Сам автор не проявляет симпатии к беглому преступнику, его блатной речи и выходкам,

и мы видим его скорее глазами Никитича – человека не без греха, но жизненная человеческая сила которого вызывает у читателя уважение.

«– Не боишься меня, отец?

– Тебя-то? – изумился старик. – А чего тебя бояться?

– Ну... я ж лагерник. Может, за убийство сидел.

– За убийство тебя Бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от его не уйдешь.

– Ты верующий, что ли? Кержак, наверное?

– Кержак!.. Стал бы кержак с тобою водку пить.

– Это верно. А насчет боженек ты мне мозги не... Меня тошнит от них. – Парень говорил с ленцой, чуть осевшим голосом. – Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил».

Дважды Никитич спасает беглеца: от холода и от нагрянувших работников прокуратуры, и в третий раз дает возможность бежать ему, уже предавшему однажды старика. И получает предательский выстрел в спину. Не Шукшин любит этот парнем, не он жалеет беглеца. Но, не оправдывая его, он всё же находит причину всем его поступкам, не нравственную, а скорее животную. И выносит ее в название рассказа: «Охота жить».

Редкий, если не единственный случай в творчестве Шукшина, когда не только у автора, но и у всех действующих лиц главный герой находит прямое осуждение. Это рассказ «Крепкий мужик» (1969). Со слов близкого друга Шукшина, А.П. Саранцева, прототипом бригадира Шурыгина, свалившего в селе церковь, был его родной дядя, и об этой истории он рассказал Василию Макаровичу. Осуждает Шурыгина не только весь деревенский мир. По народному поверью его ждет проклятье и гибель, и об этом ему прямо говорит мать: «...то ли дома окочурился в одиночестве, то ли где лесинной прижмет невзначай...»

Была в этом рассказе мысль, вложенная в уста Шурыгина: «Ведь все равно же не молились.., а теперь хай устраивают. Стояла – никому дела не было, а теперь хай подняли». И эта тема, прозвучавшая в «Крепком мужике», не оставляет Шукшина. Он задумывается: так ли на самом деле виноват народ, молча глядевший на разрушающиеся храмы? Отчего они рушатся: от времени, от рук таких «крепких мужиков», поощряемых властью, или от безразличия власти? И тогда, в том же 1969 году, он пишет рассказ «Мастер». Герой его, Семка Рысь, в отличие от благополучного бригадира Шурыгина, хоть и забулдыга, но – подвижник, одержимый идеей постижения красоты и секретов мастерства, рожденной им при виде церкви в селе Талица. Для него красота определяется не временем создания церкви, как ему говорят умные люди в облисполкоме, – для него она природна, и он готов бесплатно трудиться, восстанавливая красоту. Но его желание постичь «о чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку?» разбилось об отказ властей. И этот духовный рост от «забулдыги», как называет его Шукшин в начале рассказа, к человеку был остановлен. «А если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, курил и молчал».

Сам образ разрушающихся, заброшенных православных храмов становился для Шукшина символом утраты нравственности в обществе,

реально наметившегося разрушения деревни, уходу из нее молодежи, забывающей родной дом и родителей... И Шукшин пишет сценарий «Калины красной». В нем – та же вечная тема евангельской притчи о заблудшем сыне, вставшем на путь возвращения к людям, земле, матери. Путь Егора Прокудина от жизни вора к истокам крестьянской жизни тяжелый, жертвенный. Мало кто из нас поверит, что во время исхода крестьянской молодежи из деревни к легкой жизни такой случай типичен, но мало кто может усомниться, что он единственно праведный. Оттого так близко к сердцу воспринял народ фильм «Калина красная», не как мелодраму, а как рассказ о поступке человека, который каждый хотел бы совершить в жизни. Для того, чтобы ощутить себя единым народом, объединенным общими нравственными ценностями.

Видеоряд «Калины красной» усиливает эту тему. В первых кадрах, когда Егор плывет по реке, мы видим в ней затопленный храм как символ разрушенной жизни героя. Во второй раз отраженный в воде храм возникает в сцене бегства с «малины». То, что не мог сказать Шукшин-писатель, говорит Шукшин – кинематографист. Одна из самых эмоционально напряженных сцен фильма – сцена раскаяния Егора после поездки к матери. В киноповести ее еще нет, но ко времени съемок в Шукшине происходит что-то, что позволило ему снять, как мне кажется, кусок совсем не прокудинской жизни. Помните: Егор останавливает грузовик, выбегает из машины и падает на пригорок, за которым белеется храм. Помните слова, которых нет в сценарии, слова-крик души: «Господи! Прости меня, господи!..»? Кажется, что это уже не столько слова Егора, сколько самого Василия Макаровича. В последних кадрах фильма из бегущего по реке «Метеора» снова виден храм. Затопленный. При виде его думается: Егор-то покался, а мы? И кровь Егора, как понял и не ошибся народ, это кровь самого Василия Макаровича. Она запекшимися в гроздьях капельками в октябре 1974 года, без сценариев и указаний сверху, горела над морем подлинно народного горя, враз навалившегося на всю Россию. Море горя, людское море и алые капельки, капельки, капельки у Новодевичьего...

В том же 1969 году Шукшин пишет рассказ «Залетный». Герой рассказа носит характерное имя Саня Неверов. В самой фамилии этого человека заложена некая позиция к вере. Но он, больной хрупкий человек, неизвестно откуда взявшийся в селе, вызывает жалость и уважение у местного кузнеца не столько к себе, сколько ко всей жизни, данной человеку и мало им ценимой. «Сны матери», «На кладбище», «Осенью», – во многих рассказах размышления писателя о смерти. Но «Сны матери» – особый цикл рассказов, даже не рассказов, а записанных от матери воспоминаний о ее снах. Читаешь, и такое чувство, будто что-то вечное в них, древнее – и небесное и земное сразу. То ли Евангельские притчи вспоминаешь, то ли сказки народные, но чувства светлые, волшебные, истинно детские. В них признание своего *природного, стихийного* православного восприятия жизни, – ясное, не требующее доказательств – это же материнское! и, уже ясный, путь к православию *осознанному*.

В Шукшине – и его творчестве и в жизни – есть то, что глубоко близко русскому человеку – совесть. И это тоже от матери. Когда

отца арестовали, за него в семье молились. Через много лет, узнав, что ее сын приезжает домой, в Сrostки, не один, а со своими московскими друзьями, Мария Сергеевна прибрала икону, висевшую в избе. Шукшин заметил, что угол непривычно пуст, и спросил мать, где икона. Та объяснила ему, что она постеснялась гостей и боялась сыну хоть чем-то навредить. На что Шукшин сказал: «Не надо, мама, ты повесь ее».

В статье «Нравственность есть правда» Шукшин говорит о самом кровавом в своем творчестве. В ней есть очень важные для понимания самого Шукшина слова о том, что одна из главных задач его собственного творчества: «...выявить попутно свой собственный запас доброты...» и еще – в жизни и творчестве нести Правду с большой буквы, «...ибо это мужество, честность, это значит – жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду». Собственно, это и есть ключ к пониманию всего того, что Шукшин нес людям: снимал ли кино, писал книги, играл. Оттого русским людям так близко все то, о чем он говорил, и по-толстовски, по-христиански любил людей: и живых и придуманных им самим.

Что же было в последние годы жизни самого Шукшина?

В апреле 1974 года, когда Шукшин лежал в больнице, близкий его друг, кинорежиссер Р.А. Григорьева, навестила его, оставила Евангелие и уехала на съемки. На алтайский адрес киногруппы он и отправил из больницы письмо, полученное лишь спустя год, когда Шукшина уже не стало. Оно многое определяет в вопросах его веры. Евангелие лежало у него под подушкой, и он все время думал: что же там находят другие, и это его злило. А когда он открыл Евангелие и стал читать, его словно обожгло. Для него определился наш общий исход: куда же России без Христа? И признается, наконец: Верую. Верую, как мать в детстве учила: «в Отца и Сына и Святаго Духа».

Вот я и думаю: а нужно ли спорить? Шукшин явился на этот свет – это такое счастье! Человек, с образом которого и его творчеством в душе каждого русского человека звучат простые светлые слова: Мать, Природа, Земля, Совесть, Душа, Родня, Россия, Правда. А еще – Любовь и Вера.

* * *

Так прошли наши «Шукшинские чтения» в Москве, среди друзей, где каждая деталь и слово заставляли вспоминать Василия Макаровича.